
Мария Волкова
Разсвѣтъ надъ Петербургомъ

Мария Волкова

Рассвет над Петербургом

«Автор»
2026

Волкова М.

Рассвет над Петербургом / М. Волкова — «Автор», 2026

Молодая девушка Анна Павлова, заселившись в квартиру шикарного доходного дома, открывает там временной тоннель и случайным образом попадает в дореволюционный Петербург. Оказывается, что владелец квартиры уже давно перемещается из одного времени в другое. Он ведет в старом Петербурге богемный образ жизни и поставляет информацию о членах высшего общества в Особый отдел полиции. Тайная агентура, боевые отряды, заговоры - вот, что ждет Анну Павлову, а еще — любовь. Но на кого пал ее выбор? Кем является этот человек на самом деле? Революционером? Эсером? И смогут ли они быть вместе, несмотря на многочисленные преграды? Книга включает в себя большое количество исторических фактов.

© Волкова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 Быт Александра Афанасьевича 9
Глава 2 Приезд 15
Глава 3 Друг 19
Глава 4 Новый дом 25
Глава 5 В ресторане 29
Глава 6 Встреча 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Мария Волкова
Рассвет над Петербургом

Пролог

1907 год Особый отдел Департамента полиции Российской Империи, набережная Фонтанки.

На улице все запорошило снегом, но природе казалось, что этого недостаточно, и белые хлопья продолжали сыпаться с небес. Из окна маленького кабинета, заставленного старинными стеллажами, до невозможности набитыми толстыми папками, едва проглядывались очертания Михайловского замка. За массивным столом сидел невысокий, но широкоплечий мужчина. Внешность его не была примечательной, разве что небольшая, но аккуратно оформленная бородка и густые черные усы, которые он позволил себе с той самой поры, как ушел полностью в канцелярскую работу. Но его зоркий взгляд никуда не исчез, он продолжал быть все таким же пронзительным и искрометным. Да, у этого человека был необычайный взгляд, подмечающий и моментально улавливающий все происходящее вокруг — профессиональный навык, выработанный и усовершенствованный с годами. Сын простого ярославского крестьянина-торговца, он прошел всю филёрскую службу от агента до заведующего наружным наблюдением Департамента полиции, был награждён орденом св. Владимира 4-й степени. Его «летучий отряд», выполнявший самые сложные и ответственные задания, отличался высоким профессионализмом, был лучшим в своем роде и входил в Особый отдел «А», который занимался вопросами политического розыска, наблюдениями за деятельностью политических партий и за революционной пропагандой в войсках, а также организацией заграничной агентуры и многими другими жизненно важными вопросами, отвечающими за спокойствие Империи. Природный ум, хитрость, смекалка, трудоспособность и настойчивость выдвинули его, и в скором времени он сделался нарядчиком, инструктором и контролёром. Возглавив вначале всю филёрскую работу Московского охранного отделения, позже был переведен в Санкт-Петербург.

Внимательно изучив очередную папку, он отодвинул ее в сторону и посмотрел в окно на холодный зимний пейзаж, сковавший все столичные постройки. Специально ли было задумано отдать под охранное отделение именно этот особняк, который фасадом выходил на Михайловский замок, где когда-то был убит император Павел I ? Чтобы каждый Божий день каждый сотрудник чувствовал ту неимоверную ответственность за жизнь Государя, которая была на него возложена, и помнил, что любая осечка может привести к непоправимым последствиям. И как тут уйдешь вовремя с работы, когда ее непочатый край, не говоря уже о заслуженном покое после многолетней службы на благо Отечества? Мужчина перевел задумчивый взгляд на свой кожаный диван, размышляя над тем, что было бы неплохо вздремнуть хотя бы полчасика, но в этот момент в двень неожиданно постучали. В кабинет вошел брюнет лет сорока невысокого роста, весьма приятной и благородной наружности, со строгим взглядом.

— Сидите, сидите, Евстратий Павлович! — тут же произнес он спокойным голосом и разместился напротив него на том самом вожделенном диване. — Я, кстати, так и подумал, что вы все еще здесь в этот час.

— Где ж вы мне еще прикажете быть, Алексей Тихонович, — ответил мужчина, усмехнувшись и осознав, что возможность вздремнуть представится не скоро, коль к нему пожаловало начальство, сам заведующий Особым отделом. Говор у Евстратия Павловича был спокойный, певучий и немного простоватый. Зато со своими сотрудниками он хорошо ладил, умел с ними разговаривать и управляться.

— А я к вам, между прочим, заглянул по очень важному вопросу, уверен, что только вы сможете мне помочь в нем разобраться!

— Что ж, я весь во внимании.

— Дело в том, что я снова поднял все документы и архивы касательно того странного случая, произошедшего во время праздничного богослужения в день Крещения Господня, когда Император присутствовал на торжественном освящении воды. Помните, он со свитой проследовал на «Иордань» к Неве. Водосвятие сопровождалось традиционным артиллерийским салютом из 101 залпа с бастиона Петропавловской крепости, и странным образом в одном из холостых зарядов оказалось несколько патронов с пулями старого образца, которые перелетели Неву, осыпали «Иордань», колонны Зимнего дворца, а несколько так вообще залетели в зал, где в тот момент находились дамы посольства, их моментально забросало стеклами. Надо сказать, что тогда Государь чудом остался жив.

— Помню! Как такое не помнить, этот трагический эпизод произошел за три дня до Кровавого воскресенья, — покачав головой, тихо вымолвил Евстратий Павлович. — Выстрел произвела батарея Его Императорского Величества, но расследование было приостановлено, посчитав содеянное «несчастным случаем».

— А вы-то верите в то, что это был «несчастный случай»? — четко и медленно спросил Алексей Тихонович, понизив голос. Взгляд его был прикован к собеседнику: он застыл на месте, не моргая и не отрываясь, следя за каждым его движением.

Спокойно сложив руки перед собой на столе и переплетя пальцы в замок, Евстратий Павлович твердо посмотрел Алексею Тихоновичу прямо в глаза и уверенно ответил:

— Безусловно, нет!

— Вот и у меня совсем другие мысли на этот счет, — и Алексей Тихонович радостно выдохнул, уловив поддержку со стороны своего коллеги. — Более того, погрузившись в это дело, я нашел весьма интересную и ценную информацию, доставшуюся мне от моего предшественника, — и он, открыв свой кожаный бювар, вытащил оттуда несколько документов, помеченных грифом «Секретно». — Как выяснилось, еще в конце декабря 1903 года некий доброжелатель, назовем его «Преданный читатель журнала Нового времени» — так он сам себя именует, — направил анонимное письмо министру внутренних дел Плеве, сообщая о возможности покушения на Государя во время чина освящения воды, ибо «выбранное для Иордани место не охраняется должным образом». Письма такого характера к нам приходят ежедневно в огромном количестве с целью запугать и в большинстве случаев являются надуманными, но меня поразил тот факт, насколько правдивы оказались его слова. Более того, этот же самый «преданный читатель» в начале 1905 года предупреждал нас о том, что будет совершена провокация на одном из придворных балов, во время которого молодая террористка из боевого отряда эсеров попытается застрелить Императора, — и он, протянув Евстратию Павловичу анонимные письма, продолжил: — Все балы в тот год были, безусловно, отменены. А позже в Швейцарии была схвачена молодая женщина, застрелившая на отдыхе одного парижанина, внешне схожего с министром внутренних дел Дурново. Во время допросов обнаружилось, что она является членом боевой организации революционеров, и первое ее несостоявшееся задание, которое нам удалось вовремя предотвратить благодаря этому посланию, было покушение на царя во время бала! — закончив свою речь, Алексей Тихонович еще раз очень внимательно посмотрел на Евстратия Павловича.

— Что вы предлагаете? Найти того самого «преданного читателя»? Да им может оказаться кто угодно! Мы изучали эти письма, я их прекрасно помню, отдавали нашим коллегам на экспертизу, но мы даже не смогли установить происхождение бумаги, на которой они были напечатаны. Этот «преданный читатель» слишком хорошо скрывается.

— Так-то оно так, но я думаю, уважаемый Евстратий Павлович, что нам не стоит искать далеко. Такие люди обычно не прячутся по закоулкам и глубинкам нашей Родины.

— Ну и где же нам тогда выслеживать столь полезного человека, который, судя по всему, ведает большей информацией, чем мы, главное охранное отделение Российской Империи? — и Евстратий Павлович грустно усмехнулся.

— В начале я было подумал о том, что он является нашим агентом, внедрившимся в группу эсеров, а посему предупреждает о будущем терроре. Правда, такой вариант мне кажется самым маловероятным, так как никто из агентов в этом не был уличен, но, тем не менее, его отметать не стоит. Ряд наших штучных специалистов очень тщательно шифруются, либо... — и он сделал короткую паузу, — ...либо он один из тех, с кем эсеры тесно общаются и чьим большим доверием пользуются! Так или иначе, в их кругах происходит утечка информации, и нам это на руку!

— Если это так, то ваши предположения не сильно упрощают нам жизнь!

— Я бы не сказал, — и Алексей Тихонович, встав со своего места, подошел к окну и посмотрел на очертания Михайловского замка; затем его передернуло, и он резко нахмурился. — Особую любовь к этой шайке революционеров питает наша либерально настроенная интеллигенция, которая также имеет возможность финансово подпитывать их злые умыслы, из чего я могу сделать следующий вывод: нужно внедрить в их ряды нашего человека, а кто, как не вы и ваш отдел, знает в этом истинный толк!

— Задумка хорошая, — поджав губы, ответил Евстратий Павлович, и его зоркие глаза загорелись с неимоверной силой, в голове моментально стали прокручиваться всевозможные замыслы. — Проблема в том, что та самая интеллигенция абы кого в свои круги не примет, они знают друг друга многие годы. С чего вы вдруг решили, что хоть один из них согласится с нами сотрудничать?

— Я ожидал получить от вас данный вопрос, — и Алексей Тихонович сразу же достал несколько газет и журналов, среди которых были «Русскій вестникъ» и «Свѣтъ», содержащие однотипные броские заголовки. — Считаю, что есть один очень интересный персонаж в городе, давеча привлекший мое внимание. Думаю, он обязательно захочет нам помочь, так как мы со своей стороны тоже сможем оказать ему весьма достойную услугу, — он передал печатные издания Евстратию Павловичу, который быстро стал их зачитывать вслух.

«Очередной колоссальный выигрыш на рысистых бегах», «Человек, который сколотил целое состояние на забегах, король тотализаторов», «Закрытие тотализатора на Коломяжском ипподроме ввиду неимоверного выигрыша», «Попытка ограбления короля ипподрома» — и Евстратий Павлович, ухмыльнувшись, удивленно покачал головой. — Хотел бы и я стать таким же везунчиком, который умудряется богатеть на ровном месте!

— Он, конечно же, везунчик, но, судя по всему, этого типа достают все, кто только может, с конца прошлой осени, в особенности организаторы скачек, и он явно вхож в высшие круги, на такого сразу же обращают внимание! Денег у него немерено, а вот спокойствия явно не хватает, а тут еще и попытки ограбления

— Что ж, идея неплохая. Надо будет с ним встретиться на одной из конспиративных квартир, прощупать вначале, узнать побольше о его круге общения, куда вхож, у кого на приемах бывает и членом каких клубов является. Если его кандидатура нам подойдет, то постараться завербовать, а затем и подыскать подходящего агента, которого он смог бы внедрить в свое общество.

— Согласен, но к выбору последнего необходимо подойти крайне основательно и ответственно, — Алексей Тихонович победоносно щелкнул языком, словно почувствовав, что напал на верный след и его затея всенепременнейше выгорит. — Это должен быть человек, обладающий природным умом, смекалкой, цепкой памятью, умением нравиться другим и, в особенности, дамам!

Евстратий Павлович с интересом перевел взор на своего собеседника:

— Это еще к чему?

— Поверьте, дорогой друг, эти барышни из высшего общества разболтают всё и обо всем, если всерьез кем-то увлекутся, а мы не можем упускать такую прекрасную возможность. Так есть у вас такой человек на примете? — и он в предвкушении принялся потирать руками.

Евстратий Павлович достал маленький ключик, спрятанный во внутреннем кармане кителя, и, открыв верхний ящик своего стола, вытащил оттуда очередную толстую папку с данными агентов особой важности. Он медленно и очень тщательно стал перелистывать страницу за страницей, пока вдруг не остановился на одной. Его глаза снова ярко заблестели, и он протянул папку Алексею Тихоновичу. Тот внимательно оглядел фотокарточку молодого человека, рядом с которой шла его характеристика.

— Идеально подходит, недавно переведен во второе отделение, где уже успел проявить себя весьма должным образом и завязать контакты с нужными нам людьми! — сообщил Евстратий Павлович.

— Думаете, справится?

— В нем можете даже не сомневаться!

***

Из воспоминаний Николая II от 6-го января 1905 года

«Вышли к Иордани в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-и конной батареи выстрелило картечью с Васильевского остр. и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городовой был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито».

«Моя же батарея меня и расстреливает. Только плохо стреляет.»

Глава 1 Быт Александра Афанасьевича

Он не любил разгуливать по дому в халате хотя бы потому, что его день всегда был расписан, и тратить время попусту, тем более на такую глупость, как смена гардероба, казалось ему дикостью. Чего, кстати, никогда не понимала Агафьюшка, его горничная, которая каждый раз вешала шелковый халат на самое видное место в спальне, но за все то время, что она проработала в этом доме, халат пользовался спросом лишь дважды. В первый раз — во время сильного похмелья Александра Афанасьевича, которое он схлопотал после очередного крупного выигрыша в пари, и это сулило ему просидеть весь день в опочивальне; а второй раз — во время забастовки студентов в феврале 1899 года. Выходить на улицу оказалось небезопасно, так как полиция не сильно разбиралась, кого разгонять нагайками, а потому доставалось всем: как горожанам, так и своевольной молодежи, которая, судя по всему, еще не догадывалась, к каким печальным последствиям это может привести, и продолжала грезить своими утопическими мечтами.

Александр Афанасьевич снимал квартиру на третьем этаже шикарного доходного дома, расположенного почти в самом центре Петербурга, неподалеку от Знаменской площади. Надо заметить, что наш герой предпочитал все самое роскошное и помпезное, поэтому к выбору жилища подходил максимально скрупулезно. Узнав, что небольшая, по барским меркам, квартира из шести комнат и с великолепным торцевым эркером, выходящая сразу же на пересечение двух улиц, пустует, он тут же поручил своему агенту связаться с владельцем дома. Великолепное, монументальное строение, богато украшенное всевозможными архитектурными деталями, мгновенно влюбило в себя Александра Афанасьевича. Почти все дворцовые задумки были воплощены в декоре его фасада: кариатиды, поддерживающие закругленные фронтоны, оконные проемы, обрамленные горельефами грифонов, маскароны, башенки со шпилем, гирлянды из цветов и прочие лепные украшения. Правда, на публике, заводя разговор о своем доме, он любил поговаривать с присущей ему легкой надменностью: «Не Растрелли, конечно, и даже не Ринальди, но жить можно!». Однако самому архитектору бросить такую фразу в лицо, безусловно, не позволял себе, так как состоял с ним в дружеских связях.

А еще дом был построен с учетом всех технических нововведений того времени, и в нем был даже лифт, отделанный ценными породами дерева и инкрустированный латунным и бронзовым металлодекором, но попасть в квартиру пешком по широкой парадной лестнице оказывалось все равно гораздо быстрее. Хотя, когда к Александру Афанасьевичу заглядывали дамы, а это случалось довольно частенько, ибо в свои 60 лет он был статным, высоким мужчиной, пышущим здоровьем, с шикарной копной черных волос, в которой прослеживалось лишь несколько седых прядей, добавляющих ему благородства и шарма, произвести впечатление поездкой на лифте было как нельзя кстати. Но самым прекрасным в этой чудо-технике, с его точки зрения, были размеры: столь крохотные, что лишь прижавшись друг к другу максимально плотно, можно было разместиться в кабине. Далее в ход шло дорогое иностранное вино, которое он всегда приобретал на первом этаже своего дома в ренсковом погребе, и эффект сближения наступал незамедлительно.

Свою съемную квартиру он обожал не меньше прекрасных дам и проводил немало времени в антикварных салонах в погоне за очередным предметом убранства, некогда принадлежавшим какой-нибудь великосветской персоне или даже династической семье. К излюбленным местам также относились магазин «Братьев Тонет», изобретших популярные венские стулья, и Торговый дом «Мельцер Ф. и К», расположенные на Невском проспекте. Оба носили высокий статус официального поставщика императорского двора! Что уж греха таить, жилище его было обустроено пышно и со вкусом: были в нем гарнитуры из таких пород дерева, как палисандр, мореный дуб, карельская береза, массив ореха

Итак, утро Александра Афанасьевича начиналось не раньше десяти часов. Ранние завтраки он не любил, но жить без кофе не мог, поэтому в гостиной, помимо любимого напитка, его поджидал еще и сопроводительный инструмент в виде «Вестника Европы», на ознакомление с которым уходило около часа каждого дня. Далее следовала пешая прогулка до самого «Кафе де Франс», что на Невском, где завтрак подавался с полудня до трех часов и где можно было обсудить с местной буржуазной интеллигенцией последние сплетни города, а также узнать о предстоящих театральных постановках и о том, кто этим вечером намеревался ужинать в «Палкине». Примерно к одиннадцати часам вечера он подъезжал к пересечению Владимирской и Невского и просиживал в ресторане с самыми просвещенными деятелями города, к которым относились писатели, поэты, историки, юристы, торговцы 2-й и 3-й гильдии, до самой поздней ночи. В список других популярных мест входил ресторан «Кюба» на Большой Морской, где как раз-таки нередко заводились светские беседы с представительницами прекрасного пола, ибо это был один из немногих ресторанов города, куда любили захаживать дамы из высшего общества без сопровождения. Также он частенько обедал в ресторане «Медведь», бывал и в «Вене» на Малой Морской, что напротив дома «Пиковой дамы», но туда обычно заглядывал по окончании театральных представлений. Популярный ресторан «Донон» полюбился ему не сразу, а лишь после того, как однажды зимой 1905 года он стал свидетелем сцены ревности Сергея Дягилева к своему кузену и любовнику Дмитрию Философову, обедавшему там с Зинаидой Гиппиус. Этого казуса хватило, чтобы стать не только постоянным клиентом ресторана, но и вхожим в круги скандальной баронессы фон Гильденбанд, обожавшей сплетни. А этой пересуды Александру Афанасьевичу хватило на весь декабрь. Вообще, что касается Дягилева, то слухов разного рода ходило вокруг его персоны много, и почти все они оказывались правдой. Талантливый, находчивый, предприимчивый и жутко тяжело расстающийся с деньгами, причем не только со своими, но и с чужими, хотя порой чувство мести заставляло его пойти на крайне большие траты.

Надо признаться, что шумихи вокруг Зинаиды Гиппиус и ее мужа Мережковского было не меньше, а теперь, вдобавок ко всему, все стали обсуждать их тройственный союз, к которому примкнул Философов. Несмотря на то что такие отношения были неприятны нашему герою и даже отвратительны, он частенько посещал их литературные салоны, проходившие в воскресные дни в квартире на Литейном, ведь там можно было повстречать столько талантливых людей эпохи Серебряного века. Здесь они зачитывали свои произведения, делились новостями, задумками и мыслями, которые у многих переплетались хоть и в единую, но странную форму свободы. Да, веяние свободы царило в умах тех, кто относил себя к рядам интеллигенции. Революционные идеи витали в воздухе, пропитанном антимонархическим духом, и с каждым годом он все сильнее и сильнее нависал над столицей, а между тем Петербург продолжал блистать — так же ярко, так же богато и обреченно. Что поистине скрывалось за этим блеском? За этими нежными стихами, литературными вечерами, невинными религиозно-философскими темами и страстными ухаживаниями? К слову сказать, Александру Афанасьевичу обо всем об этом было прекрасно известно, но он и не подумывал отказываться от моды своего времени и хотел оставаться в центре внимания и в курсе того, что происходило в столице.

Для поддержания своего реноме он любил захаживать в гости и к уже вышеупомянутой Варваре Ивановне фон Гильденбанд, у которой собирались как представители высших кругов, так и писатели, художники и даже революционно настроенная молодежь. Дом баронессы обходил все невзгоды того времени, и в ее гостиной обсуждались самые разные темы: начиная от безобидных концертов, балов, благотворительных вечеров и заканчивая опасными политическими дискуссиями.

Империя еще не оправилась после «маленькой победоносной войны», закончившейся сдачей Порт-Артура, уступкой южной части Сахалина и подписанием позорного Портсмутского мирного договора. Параллельно с военными действиями на Дальнем Востоке продол-

жало усиливаться революционное настроение в столице, вылившееся в итоге в Кровавое воскресенье 1905 года, за которым последовала череда других, не менее ужасных событий. Словно удавка на шее, она затягивалась с каждым вдохом все сильнее и сильнее, полностью парализуя страну: появлялись очередные пугающие идеи и замыслы. Так, во время одной прекрасной летней встречи Мережковский выдвинул свою новую теорию: «Самодержавие — от антихриста», покусившись на святая святых, главный постулат православной России. Ведь Царь всегда в умах русского человека был помазанником Божьим. Полагаете, глупо считаться с такими лозунгами, выдвигаемыми писателями и поэтами? Нет, учитывая тот факт, что в слово заложена огромная сила, которая может как возвысить, так и погубить, а пелена невежества, которой окутаны людские умы, поможет довести задуманное до логического конца. Ведь и среди поэтов были террористы, жившие под девизом: «В борьбе обретешь ты право свое!». И они не гнушались любыми средствами этой борьбы. В журналах, безусловно, просачивалась информация о жертвах террора: великий князь Сергей Александрович, министр просвещения Николай Павлович Боголепов, петербургский градоначальник Владимир Федорович фон дер Лауниц, граф Павел Павлович Шувалов; в списках были и губернаторы, вице-губернаторы, генералы, стражники и простые люди — всего насчитывалось около 9000 человек. Хотя, пожалуй, «просачивалась» — далеко не самое подходящее слово: эту информацию так часто смаковали, над этим глумились и даже восхваляли Страшно представить, что творилось в те годы в сознании народа.

Стоит добавить, что одной из опаснейших должностей того времени являлся пост министра внутренних дел. С начала XX века были убиты эсерами Дмитрий Сергеевич Сипягин, а затем сменивший его Вячеслав Константинович фон Плеве. Последующий министр, Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский, был снят с должности после событий 9 января 1905 года, когда во время мирной демонстрации рабочих к Зимнему дворцу с петицией была совершена провокация со стороны революционеров, что привело к гибели огромного количества людей. В истории эта трагедия сохранилась под страшным названием «Кровавое воскресенье», под стать тому ужасающему кирпично-красному цвету, в который в те годы был облачен Зимний. И вот, наконец, данный пост перешел в руки талантливейшего человека, Петра Аркадьевича Столыпина; о таких говорят: «рождается раз в сто лет», и появляется надежда на то, что в Империи все еще может измениться в лучшую сторону. Хоть и маленький, но лучик света, который всеми способами пытаются уничтожить.

В августе 1906 года произошло очередное покушение на Столыпина и его семью. Кстати, взрывное устройство для этих целей было изготовлено в мастерской большевистской «Боевой технической группы» Красина, которая располагалась в квартире Алексея Пешкова (в дальнейшем известного под псевдонимом Максим Горький). Если кто-то начнет утверждать, что к тому времени Горький со своей сожительницей был уже в эмиграции, то да, это действительно так. По поручению того же Красина он уехал в США с целью собрать деньги для подготовки революции в России и, кстати, в этой стране Нового Света его встречали как героя! Учитывая тот факт, что третьим сопровождающим во время его путешествия был телохранитель из той самой «Боевой технической группы», можно смело утверждать, что его охраняли намного лучше, чем многих министров.

Рассказывать о том, сколько за тот период было совершено ограблений банков, ломбардов, почтовых отделений, не будем, ведь это и так очевидно, а между тем любимый «Вестник Европы» продолжал описывать прекрасные и лучезарные пейзажи заграницы, периодически сравнивая их с тухлыми и унылыми равнинами России. Подействовало ли это на сознание русского народа? Вам судить, но в революционные годы, в особенности в 1906 году, многие знакомые Александра Афанасьевича, получив паспорта, покинули Петербург. Круг его общения сильно сузился, а тут очередной скандал и очередная новость, о которой он услышал на днях: пошел слух о том, что Столыпин все же намеревается распустить Думу II созыва, а это означало

лишь одно: страну в скором времени накроет очередная крамола. И мало кто верил, что у председателя Совета министров получится затушить новое революционное пламя, но Александр Афанасьевич продолжал жить своей обыденной жизнью, к которой он привык, с которой он не хотел прощаться. Ведь Петербург все еще продолжал блистать, а то, что происходило на самом деле за этим ярким занавесом, основной массе, в том числе и ему, знать было не обязательно. Хотя глупо полагать, что никто не догадывался, не представлял, чем все может обернуться, но, как уже было сказано ранее, жизнь была столь прекрасна, а Петербург так многогранен, что глубоко влезать в эти неурядицы никто не собирался. Правда, все уже давно почувствовали на себе холодный блуждающий ветер перемен, просачивающийся в каждый дом и каждую столичную квартиру и столь рьяно будоражащий воображение высшей интеллигенции.

Будучи натурой незаурядной, Александр Афанасьевич был вхож во многие известные дома столицы и старался получать удовольствие от любого момента своей жизни, а его нескромное состояние способствовало ему в этом. Спросите, за чей счет весь этот пир? Что ж, данным вопросом задавались многие с начала XX века, когда его фигура случайным образом замаячила в высшем обществе Петербурга. Его сравнивали то с графом Монте-Кристо, то с Калиостро; одним словом, имя его обрастало новыми сплетнями с каждым годом все сильнее и сильнее и тем самым притягивало к себе новых персонажей, желавших, так же как и он, просто получать удовольствие от жизни, забыться в тяжелые времена для страны и пополнить свой круг новыми интересными знакомствами.

***

Этим днем Александр Афанасьевич проснулся чуть позже обычного, по привычке откинул в сторону халат, висевший на дверце шкафа, и достал сюртук — неотъемлемую часть своего гардероба. Только после того, как его утренний туалет был полностью завершен, он вышел в гостиную. Убедившись, что кофе, хоть и был хорошо заваренным, к моменту его появления оказался уже холодным, он осторожно, на цыпочках, проследовал в сторону кухни. Там на табурете возле окна сидела Агафьюшка и листала «Вестник Европы». Политические темы ее мало интересовали, а вот литературная часть (рассказы, стихи, фельетоны) притягивала внимание. Александр Афанасьевич не имел ничего против этого, учитывая тот факт, что он всегда приветствовал тягу к знаниям и упорство Агафьи постичь непостижимое для её девичьего ума. Так раз в месяц, когда появлялось новое издание, он обнаруживал ее на кухне со сборником, но не мешал. Медленно шевеля губами и читая по слогам, она упорно водила по строчкам пальцем, боясь ненароком перескочить или, того хуже, потерять место, на котором она остановилась. Затем, спустя некоторое время, она, как бы между делом, начинала задавать ему весьма странные вопросы, стараясь разобраться в тех словах или фразах, которые ей были в диковинку. Таким образом, в ее вокабуляре появлялись интересные новые словечки, такие как «кредо», «альтер эго», «политес», «фразерство», а несколько раз в одном рассказе проскользнула глупая фраза «женщина с перцем», после чего Агафьюшка стала таковой именовать и себя. Но за копну рыжих вьющихся волос во дворе получила лишь прозвище «подсолнух», что жутко ее раздражало.

Заметив в очередной раз читающую горничную, Александр Афанасьевич аккуратно вернулся в гостиную и, усевшись за стол, громко крикнул:

— Все читаешь? А кофе-то мой уж совсем остыл!

На кухне тут же раздался жуткий грохот, кто-то или что-то упало, затем послышался чей-то топот, и в комнату вбежала запыхавшаяся горничная, держа в руке журнал. От волнения ее кудряшки выбились из-под белого чепчика и стояли торчком, а щеки зарделись румянцем. Осторожно положив «Вестник Европы» на край стола, она аккуратно взяла фарфоровую кружку с остывшим кофе.

— Ох, Александр Афанасьевич, все-то вы знаете, ничего от вас не утаить, — раздосадованно произнесла девушка. — Ведь нельзя все знать в этой жизни, а вы знаете! О вас уже весь Петербург судачит, а бабки в церкви поговаривают, что у вас так вообще третий глаз на затылке имеется!

Александр Афанасьевич тотчас же ухмыльнулся:

— Можешь проверить, если хочешь, но его там нет!

— А это не единственное, о чем они говорят, — продолжила Агафьюшка. — Вы бы знали, какие сплетни ходят по вашу душу!

— Ну, и что же обо мне судачат?

Агафьюшка моментально напряглась и еле слышно произнесла:

— Поговаривают, что вы с нечистой силой связались! — после чего она быстро перекрестилась. Александр Афанасьевич вдруг прыснул со смеху.

— Позабавила ты меня с утреца! Уж если я не ведал, о чем они судачат, то значит, точно ни с кем и ни с чем не связывался! — и добавил: — А ты меньше всяких глупых людей слушай, умнее на их фоне будешь выглядеть!

Горничная, призадумавшись на несколько секунд, словно подбирая верные слова, гордо вымолвила:

— Фразерство все это с вашей стороны!

Александр Афанасьевич удивленно поднял брови.

— Не вовремя это я вставила, да?

— Молодец, что догадалась сама!

— Извините, ради Бога, но ведь молва-то о вас все равно ходит! А люди простые, — пролепетала девушка. — Если объяснения чему не находят, то начинают придумывать сами. Отсюда все эти домыслы!

— А вот с этим утверждением я не могу не согласиться! Людям заняться нечем, поэтому-то и лезут не в свои дела! — недовольно подытожил он.

Но Агафьюшка разошлась уже не на шутку и, судя по всему, прекращать не собиралась.

— Неужто вы думаете, что кто-то поверит во все ваши случайные выигрыши и что вам сопутствует лишь банальное везение? Никто никогда столько не выигрывал! Тем более человек вы неженатый, обжениться не успели, детишек тоже нет, вот и вызываете у людей сомнения уже столько лет! Связались бы уж с кем, — совершенно спокойно произнесла Агафья, наводя порядок на столе, и Александр Афанасьевич недоуменно вытаращился на нее, но она все продолжала: — Были бы женаты или родственнички какие-нибудь появились хотя бы, то они за вас и словечко замолвили, и людей успокоили бы.

Александр Афанасьевич, выслушав ее наставление смиренно и с полным безразличием на лице, вымолвил:

— Благодарю тебя за то, что столь толковым и прямолинейным русским языком все мне объяснила в сотый раз! Если тебя эти бабки науськивают, так передай им, что мои племянники живут в Париже, потому-то я и отправляюсь туда раз в год на лето, проведать. Жена моя, бедная, давно уж как отошла в мир иной, а к очередной семейной жизни я еще не созрел!

— Что значит «не созрели»? — насупившись, спросила Агафья. — Вы извините меня, Александр Афанасьевич, но, выражаясь вашими странными терминами, вы уже не просто созрели, вы уже давно перезрели! Пардон за такое откровение с моей стороны. У нас столько хороших и благородных дам в храм захаживает, и, главное дело, одиноких, неужто все ваши богатства наследникам прямым не оставите? Зачем вам все это: картины, украшения, мебель дорогая, если живете один? А ваши племянницы, судя по всему, жуткие эгоисты, коль за все восемь лет, что я у вас работаю, ни разу не навестили любимого дядюшку

— Агафья, — наконец-то перебил ее Александр Афанасьевич, встав из-за стола, — спасибо за прекрасное утро, которое ты успела мне испортить своими нравоучениями, надеюсь,

что день у меня хотя бы задастся! — И с этими словами он, взяв свое пальто и шляпу, покинул квартиру, думая о том, что «подсолнух» далеко не самое подходящее прозвище для столь энергичной и болтливой девицы.

— Вы надолго? Ужинать будете дома или как обычно? — крикнула она ему уже с порога.

— Вначале заеду на вокзал, а там посмотрим!

— На Николаевский?

— Нет, на Варшавский! — едва уловила она с лестницы.

Горничная вернулась обратно в гостиную и, взяв «Вестник Европы», уселась в мягкое кресло возле эркера. «И зачем ему на вокзал понадобилось? Если что привезти должны, так посыльного отправил бы?» — подумала она, и тут на ее лице проскочила легкая улыбка: — «Точно, видимо, все же кто-то из родственников собирается приехать в ближайшее время! Ведь недаром он именно на Варшавский отправился. Ну наконец-то!»

***

13 августа 1906 г. командир Лейб-гвардии Семёновского полка Свиты генерал-майор Г.А. Мин на глазах жены и дочери был убит выстрелами из револьвера членом Боевой организации эсеров. 14 августа, на следующий день после убийства генерала Мина, Государь написал Столыпину: «Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной анархии. Не только занятие честным трудом, но сама жизнь людей находится в опасности. Только исключительный закон, изданный на время, пока спокойствие не будет восстановлено, даст уверенность, что Правительство приняло решительные меры и успокоило всех». В итоге был принят закон о военно-полевых судах.

Николай 2 в письме к адмиралу Ф.В. Дубасову 4 декабря 1906 г. «С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы меня знаете, я незлоблив, пишу вам совершенно убежденный в своей правоте моего мнения. Это больно и тяжко, но верю, что к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит море крови — и уже предотвратила!».

Глава 2 Приезд

Наше время.

Это был один из тех весенних дней Петербурга, которые напрочь отбивают какое-либо желание выходить на улицу. Если бы из поезда, только что прибывшего на вокзал, вышел иностранец, ни разу не бывавший в здешних местах, то первое, о чем он подумал бы, звучало примерно следующим образом: «Интересно, в этом городе точно бывает лето или так всегда?». К счастью, этим утром в 10:40 из «Сапсана» вышла молодая особа, бывавшая здесь многократно и убежденная в том, что из-за такой мелочи, как холод и дождь, ее оптимизм не иссякнет. Девушка накинула на себя ярко-желтый дождевик, изрядно контрастировавший с серыми лужами на перроне, и бодро последовала за толпой к выходу, с легкостью таща за собой огромный чемодан на маленьких круглых колесиках, побрякивающих на неровном асфальте. «Можно было бы взять вещей и побольше!» — промелькнуло в ее голове. — «Было бы чем город удивить!». Но на самом деле не она, а он будет ее удивлять, причем всеми возможными и невозможными способами. Она чувствовала: что-то невероятное, потрясающее ожидало ее в этой поездке, да и дождь — это к добру! Правда, если так рассуждать, то надо полагать, что добро никогда не оставляет Петербург.

Покинув здание Московского вокзала, она огляделась по сторонам, ища глазами знакомые ориентиры: Лиговский проспект, гостиницу «Октябрьская», мемориал городу-герою, а за ним и самую оживленную часть Невского. Маршрут свой она изучила заранее и досконально, поэтому сориентировалась крайне быстро. Перейдя через Невский, девушка свернула налево и прошла мимо круглого вестибюля станции «Площадь Восстания» в сторону ближайшей троллейбусной остановки. Она любила этот город и все, что с ним было связано: его историю, архитектуру, атмосферу, которая была пронизана духом имперского величия. Все в нем столь сильно отличалось от ее родного города — Москвы, что априори притягивало и манило своей загадочностью.

А между тем, как ей казалось, на улицах северной столицы периодически встречались персонажи, совершенно не вписывающиеся в его величие. Вон парочка сидит на скамеечке: девица крепко держит парня за ногу чуть выше колена, и из величия — только ее гордый взгляд: смогла застолбить за собой недотепу, который одной рукой копается в телефоне, а второй ведет раскопки в своей правой ноздре. Мимо проходит очень громкая и крикливая молодежь с волосами всех цветов радуги; странный растутуированный парень в розовых пластмассовых шлепках в цветочек и в клетчатых штанах прогуливается с маленьким мопсом, который выглядит в разы приличнее своего хозяина. Спрашивается: кто кого выгуливает? Город сплошных контрастов, но ведь когда-то здесь было совсем по-другому, наверное?

Девушка недовольно отвела от них свой взгляд. В ее рафинированных мыслях и воображении Петербург ассоциировался с другими людьми и с совсем другой «прекрасной эпохой». Наконец-то подошел троллейбус, и она бодро запрыгнула внутрь, подумывая о том, что в скором времени окажется в теплой уютной квартире, а после того как обустроится, организует себе пешую экскурсию. Заняв свободное место возле окна, она продолжила с упоением изучать город через мокрые стекла. Даже в такую пасмурную и унылую погоду Петербург казался ей сказочным и неповторимым. Один прекрасный образ дворца сменялся другим, и каждый уникален, неповторим, словно все архитектурные задумки нашли здесь благодатную почву для своего воплощения: дома с резалитами, рустованными фасадами, окна с прямоугольными и треугольными сандриками, антаблементы, пилоны, колоннады, аркады, портики, горельефы, фронтоны, не говоря уже о множестве скульптурных композиций и это все собрано лишь на одной улице! Нигде не встретить такого переплетения эпох, как в этом городе: дома в стиле итальянского Возрождения, модерна, неоклассицизма, эклектики, неоренессанса Самые луч-

шие зодчие трудились над его оформлением несколько столетий, и их труд не был забыт, не прошел даром, он восхищает, а потому и притягивает сюда самых разных людей со всей нашей необъятной Родины.

В этот день, как обычно, по Невскому хаотично разгуливали туристы, на проспекте уже образовалась небольшая пробка машин, все кафе и рестораны были забиты посетителями, а вот наконец-то показалась и набережная Фонтанки, впереди уже завиднелись белокаменные колонны Аничкова дворца. Когда-то в далеком детстве она была в нем на экскурсии с родителями и помнила прекрасные интерьеры кабинетов, огромную парадную лестницу и просторные залы, где до самого утра проходили царские балы «Остановка метро «Гостиный двор»», — произнесла кондуктор, и девушка, вернувшись из своих воспоминаний, тут же встала со своего места. Путь ее был коротким, так как ей предстояло жить в самом сердце Петербурга. Пройдя в сторону набережной, она остановилась возле серовато-розового здания. Вид отсюда открывался восхитительный: на Национальную библиотеку, Аничков мост, а еще виднелся угол дворца Белосельских-Белозерских. Правда, очертания его были слегка размыты из-за туманной дымки, странным образом возникшей над Фонтанкой, столь легкой и невесомой, что никто даже не обращал на нее внимания, продолжая заниматься своими делами.

Девушка радостно вошла в парадную и, поднявшись на нужный этаж, несколько раз позвонила в дверь, но ей почему-то никто не открывал. Подождав еще пару минут, она снова позвонила, после чего застывшая улыбка стала исчезать с ее лица. Она почувствовала, что что-то идет не по плану. Достав из сумочки телефон, быстро набрала чей-то номер, но в ответ послышались лишь долгие гудки.

— Ну и что мы тут топчемся? Как ты вообще сюда попала?

Из квартиры напротив появилась сморщенная физиономия противной старухи, которая, видимо, долго наблюдая за девушкой, все же решила приоткрыть дверь и высунуть свою седую голову.

— Здравствуйте, — нерешительно пробормотала молодая особа. — Меня зовут Анна Павлова, я подруга Лизы.

— Анна Павлова? — повторила бабка. — В честь десерта, что ли?

— Нет, в честь балерины — Павлова Анна Павловна!

— Ладно, балерина! Что тебе здесь надо? — злобно прокряхтела старуха.

— Я же говорю, к Лизе приехала в гости, мы договорились, что она встретит меня и я поживу у нее в квартире пару недель, пока она будет отсутствовать, — пояснила девушка слегка нервным голосом.

— Так она уже отсутствует, — мигом выдала бабка. — Со вчерашнего вечера отсутствует!

— Как? — удивилась Анна. — Но мы же с ней договорились

Внезапно у нее в руках задребезжал телефон, и на экране высветилось «Лиза». Девушка сразу же прижала его к уху.

— Алло, Лиза? Ты где? Я уже приехала! — затем она сделала резкую паузу, на другом конце послышался чей-то звонкий голосок. — Что значит, ты меня вчера ждала? Я же тебе высылала билеты? И когда ты собираешься возвращаться?

Затем глаза Анны увеличились вдвое от удивления, и она уставилась в одну точку перед собой. Пальцы на правой руке, придерживающие чемодан, моментально разжались, и он с грохотом упал на пол.

— И что мне теперь делать? — наконец вымолвила девушка. — Где жить все эти две недели?

Голос в трубке стал еще звонче, затем даже перешел на верхние ноты и резко смолк, после чего в ответ послышались одни лишь гудки.

— Ну и че сказала? — с любопытством спросила бабка, все это время подглядывавшая за ней. Анна вздрогнула от неожиданности, позабыв уже о старухе, и перевела на нее сердитый взгляд.

— Сказала найти себе комнату в отеле.

— Подруга называется, — хмыкнула та и быстро захлопнула за собой дверь.

— Не называется, а называлась, — прошептала Анна и, подняв свой чемодан, вышла из дома.

Невольно для себя она заметила, какой ужасный серый день был в Петербурге, и, рассмотрев свое отражение в витрине ближайшего кафе, пришла к печальному выводу, что яркий желтый дождевик совершенно не сочетается с ее малиновыми сапогами. Сделав такое суровое умозаключение, она с грустью поплелась вдоль набережной, просматривая в своем телефоне свободные номера ближайших отелей. «Планировала сэкономить и пройтись по магазинам», — подумала Анна, — «Теперь ни магазинов, ни отеля!». Дозвонившись до нескольких доступных ей по цене гостиниц, она с ужасом услышала, что на нужные даты свободных номеров не осталось. В этот момент ее охватила паника, но она продолжала машинально идти вперед, таща за собой свой, как ей уже казалось, неподъемный чемодан. Мокрая, холодная и голодная в голову приходила лишь одна мысль: купить обратный билет и переночевать где-нибудь на вокзале, если ей так и не удастся присмотреть доступное жилье. Затем, выйдя на какую-то совершенно безлюдную улицу, она наконец осознала, что не понимает, где находится и куда бредет. По правую руку от нее было серое старинное здание под стать этой погоде, на первом этаже которого находилась небольшая булочная в советском стиле. Хотя, может быть, она и сохранилась на этом месте с советских времен. «Какое странное сочетание эпох: советский интерьер в полудворцовом здании — такое возможно встретить только здесь!» — моментально проскочило в ее голове.

Идти дальше у нее уже не было сил, и девушка решила заглянуть внутрь, дабы погреться и выпить чего-нибудь горяченького. В помещении никого не было, никого, кроме грузной дамы в белом головном уборе, напоминающем армейскую пилотку. Она с полным безразличием окинула девушку недобрым взглядом и встала за прилавок. Анна брезгливо оглядела зал: потертый старый пол, частично отбитый кафель на стене, мебель в стиле 80-х годов, но все это перестало иметь хоть какое-либо значение, когда она почувствовала сладкий, ароматный запах теплой выпечки. Словно ее унесло в прошлое, в далекое детство, когда на передвижных деревянных поддонах в магазины завозили свежий, только что испекшийся хлеб и от него веяло этим вкусным, таким родным и домашним ароматом аж с улицы. Как жаль, ведь в Москве и не сыскать больше таких булочных. Девушка подошла к продавщице, обратив внимание на ее массивные золотые кольца на руках, которые подчеркивали бесформенную толстую ладонь. Женщина недовольно посмотрела на Анну, словно та оторвала ее от какого-то важного дела и теперь бедняге приходится обслуживать эту девицу.

— Мне, пожалуйста, черный чай и какую-нибудь булку, — произнесла Анна, доставая кошелек.

— Булку целую или половинку? — раздраженно спросила женщина, нахмурив лоб.

— Что значит половинку? — удивилась Анна. — Целую, конечно! Зачем мне чья-то половинка?

После чего продавщица с еще более недовольной гримасой принесла ей чай и батон белого хлеба.

— Что вы делаете? Зачем мне батон белого? — выпалила девушка. — Я же попросила булочку, любую булочку, хотя бы вон ту, — и она ткнула пальцем на пончик, красовавшийся на витрине.

— Это булка, — со злостью ответила продавщица, тряся перед ее носом батоном. — А то, на что ты сейчас указала, именуется пышкой! Понаедут же всякие, а мне ходи туда-обратно!

— Город, конечно, красивый, но жители явно не от мира сего, — процедила Анна сквозь зубы и, взяв поднос с чаем и пончиком, уселась за стол с клеенчатой клетчатой скатертью около пыльного окна.

Немного подкрепившись, она решила, что сдаваться так быстро не собирается, поэтому принялась обзванивать все гостиницы, начиная с центральных и заканчивая уже теми, которые располагались ближе к окраине. Услышав разговор девушки, которая с каждым новым звонком становилась все подавленнее, продавщица подошла к ее столику и протянула клочок бумаги, зажатый между двумя пальцами. Красный, облупившийся лак и перстни — это было первое, что бросилось Анне в глаза, а затем уже и кусок бумаги, на котором было что-то нацарапано кривым почерком.

— Моя знакомая решила сдать комнату в своей квартире, — прояснила женщина. — Она — дама приличная, преподаватель в институте, комната еще пустует, оплата невысокая.

Девушка перевела сердитый взгляд на продавщицу и насупилась. Глядя на нее, и не скажешь, что у такой могут быть приличные знакомые.

— Да бери-бери! — повторила продавщица, тряся перед ее носом огрызком бумаги. — Вижу я, что девушка ты нормальная, попала, видимо, не по своей вине, в тяжелую ситуацию. Квартира у знакомой находится в центре, совсем неподалеку отсюда. Ну, уж если ты не понравишься ей, то тогда поедешь в один из этих захолустных отелей на окраине, куда ты там только что звонила.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Анна и взяла в руки бумажку, а затем, схватив свой чемодан, двинулась к выходу.

— Значит так, — продолжила женщина, направившись вместе с ней на улицу. — Сейчас пойдешь по улице Некрасова до конца и повернешь налево. Первый дом по правую руку, парадная 4 сразу же возле остановки. Номер квартиры указала, скажешь, что от Светланы, она поймет!

Анна медленно направилась по указанному адресу, неторопливо таща за собой чемодан. Как только девушка отошла на довольно приличное расстояние, продавщица достала из кармана телефон и быстро набрала чей-то номер:

— На ловца и зверь бежит, — произнесла она, все еще провожая взглядом Анну, чья фигура с каждым новым шагом, отдаляясь, становилась все меньше и меньше. — Кажись, у меня назрела одна грандиозная идея, как провернуть наше дельце наилучшим образом! Встретимся вечером, все обсудим, — после чего она, ухмыльнувшись, вернулась на свое рабочее место.

Путь был и впрямь близкий, пройти нужно было совсем ничего, да и моросящий дождь, к счастью, прекратился. Правда, над городом все еще висели свинцовые тучи, через которые пытался пробиться луч света. Этот яркий, живой, тоненький лучик, возникший словно ниоткуда — как он вообще посмел противостоять этому темному царству, да еще так игриво и насмешливо? Тяжелые тучи пытались вытеснить его, а он снова и снова пробивался сквозь них, перескакивая с одного дома на другой, будто подсказывая Анне правильный путь и давая надежду на то, что все еще может поменяться в лучшую сторону. Она обернулась назад, чтобы запомнить то здание, в котором находилась булочная, но появившийся туман, все это время следовавший за ней по пятам с самой набережной Фонтанки, сомкнулся позади нее огромной плотной стеной. У нее была лишь одна дорога, один путь — идти вперед!

Глава 3 Друг

1907 год

Вернувшись домой, Александр Афанасьевич подошел к книжной полке в гостиной и, взяв небольшой томик Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», сел в свое излюбленное кресло «Бержер», купленное полгода назад. Два таких одинаковых кресла начала XVIII века были приобретены им на одном из мебельных аукционов, и, если верить организаторам, некогда они принадлежали французским Бурбонам. Из чего Александр Афанасьевич сделал вывод, что семейство, хоть и королевских кровей, но, по факту, жутко прижимистое, если довело кресла до такого состояния, что в них совершенно невозможно было сидеть. Потратив немалую сумму денег на их приобретение, ему пришлось выложить еще примерно такую же на реставрацию. Правда, пока он решил восстановить лишь одно, а второе спрятал в надежном месте от греха подальше. И вот теперь, когда кресло наконец-то привезли в его просторную гостиную, Александр Афанасьевич мог считать себя полноправным членом семейства Бурбонов.

Кстати, томик Некрасова, в отличие от кресел, ему достался совершенно бесплатно: был подарен на одном из литературных вечеров Зинаиды Гиппиус по случаю тридцатой годовщины смерти поэта. Получить нечто бесплатное в наше время дорогого стоит, поэтому этот подарок всегда стоял у него на самом видном месте. Открыв книгу, он окинул взглядом портрет великого автора, который был размещен на первой странице, и тут же усмехнулся. «Внешность обманчива», — подумал он, разглядывая лицо добропорядочного писателя. Ведь Александр Афанасьевич был очень любопытным человеком, и его любопытство проявлялось во всем: его интересовали люди, их судьбы, действия и мотивы. А вот личность Некрасова была для него крайне противоречивой. Талантливый поэт, классик русской литературы, получивший свою популярность в Российской империи, писал книги, которые изрядно пошатнули репутацию империи. При этом сам Некрасов благочестивостью не отличался: долгое время жил с замужней женщиной в одной квартире с ее супругом; женщина родила Некрасову двоих детей, умерших в раннем возрасте. Что сказать, тройственные союзы и по сей день модны среди современной просвещенной интеллигенции, а под старость лет он, кстати, выбрал себе в подруги девушку из «заведения», на которой позже и женился. Несмотря на то что он красочно описывал суровый быт простого русского мужика, писатель тем не менее питал огромную страсть к предметам роскоши и карточным играм, которые позволили ему сколотить немалое состояние. А ведь если посудить, то обыгрывал он игроков исключительно из высшего общества, которые были постоянными посетителями Английского клуба, в том числе императорских сановников. Если бы Некрасов успел полностью дописать свою поэму «Кому на Руси жить хорошо», то, скорей всего, самым счастливым человеком, по его мнению, стал бы пьяница из кабака, хотя, по сути, сам автор вел весьма зажиточный образ жизни, ни в чем себе не отказывая. Что касается журнала «Современник», некогда основанного Пушкиным и выкупленного Некрасовым и Панаевым, вложившими в него огромный труд, то он был окончательно закрыт в 1866 году после того, как его обнаружили у революционера, покушавшегося на жизнь Александра III. Слово обладает огромной силой, а посему может побудить человека совершить нечто непоправимое.

В момент внутренних раздумий в комнату вошла запыхавшаяся Агафья; на лице ее снова красовался румянец, а это означало лишь одно: кто-то из близких друзей Александра Афанасьевича явился к нему в гости.

— К вам пожаловал Петр Александрович, — с придыханием произнесла горничная; ее кудряшки снова стояли торчком, но в этот раз уже из-за смущения.

За ее спиной тут же выросла фигура импозантного молодого мужчины, обладателя пышных усов со слегка подкрученными кончиками. Он был в элегантном сером костюме-тройке и с

тростью из слоновой кости. Глаза его живо обежали всю комнату и сфокусировались на Александре Афанасьевиче, приютившемся в своем шикарном кресле с томиком Некрасова. Затем, передав Агафье фетровую шляпу и трость, он уселся в кресло поскромнее напротив хозяина квартиры. Мужчина этот был на вид весьма привлекательным и раскрепощенным, что подкупало многих женщин самых разных возрастных категорий. Современный щеголь, не лишенный светской любезности, ума и юмора, знающий толк в этикете и умеющий не только вовремя угодить вышестоящим чинам, но и преподнести себя в обществе в наилучшем свете, — его красноречие сделало его желанным гостем во многих домах Петербурга. В любой компании он моментально становился своим, прекрасно владея навыком располагать к себе людей. Правда, Александра Афанасьевича больше всего подкупал его легкий нрав и вечно смеющиеся глаза, полные жизни, а точнее — жажды жизни, которая переполняла его изнутри. Он был легок на подъем и готов пуститься в любое приключение и авантюру, ведь в этом и состоял смысл самой жизни для Петра Александровича.

— Рад вас приветствовать, дорогой друг! Не выпьете ли со мной чаю?

— Не откажусь, — бодро согласился молодой мужчина и, поудобнее расположившись, закинул ногу на ногу. Лицо его было совершенно спокойным, но во взгляде, как обычно, мелькала легкая ирония.

— Агафья, приготовь нам пару сэндвичей с ветчиной. Петр Александрович только что из Лондона вернулся, теперь, наверное, трапезничает лишь по-английски! — с сарказмом произнес он.

— Так ведь пост еще, Александр Афанасьевич, могу вам лишь гороховый кисель предложить, он у меня очень вкусным получился!

Александр Афанасьевич окинул молодого человека грустным взглядом и в оправдание пожал плечами. Перечить Агафье он не собирался, тем более что готовила она отменно, и уж если кисель, с ее слов, получился вкусным, значит, он действительно таков.

— Ну, коль пост еще, тащи свой выдающийся кисель!

— Ой, ну вы скажете тоже, — зардевшись, произнесла горничная и тотчас же метнулась на кухню.

Убедившись, что они остались наедине, Александр Афанасьевич отложил в сторону томик Некрасова и перешел к разговору:

— Только вернулись из своего путешествия и сразу же решили навестить меня? Что же у вас стряслось?

— Александр Афанасьевич! — всплеснув руками, звонко произнес молодой человек, и на его лице проскользнула лукавая ухмылка, в глазах запрыгали бесенята. — Ну что, я старого знакомого не могу проведать и справиться о его здоровье? Тем более что вернулся я позавчера, так что вы далеко не первый в моем списке, кого я решил навестить! К тому же хотел передать вам лично приглашение от «Красной баронессы»! Она же арендовала ложу в Мариинке на целый сезон. Теперь жалуется, что ей скучно. После того как Император женился, он стал гораздо реже захаживать в театр, да и с уходом Кшесинской вся интрига куда-то испарилась. Правда, в новом балете Фокина примой является сама Павлова, так что вечер обещает быть впечатляющим!

— Вот это новость так новость! — бросил Александр Афанасьевич, звучно хлопнув себя по ноге. — За нее вам отдельное спасибо, посмотреть на прекрасную Павлову, да еще из личной ложи Варвары Ивановны, — одно удовольствие! Когда, кстати, планируется сие грандиозное мероприятие?

— Ровно через десять дней, так что не забудьте, иначе она будет очень сильно сердиться на вас!

— Ну что вы! Как такое можно позабыть, обязательно отмечу в своем календаре, да и уверен в том, что вы напомните еще не раз! — Александр Афанасьевич сделал небольшую паузу,

активно прокручивая какую-то мысль в своей голове, после чего продолжил: — По правде говоря, я всегда восхищался необыкновенным даром баронессы быть постоянно в центре внимания. Она знает все и обо всех!

Петр Александрович тут же усмехнулся:

— Учитывая, что в ее особняк на Кирочной захаживают все активисты Петербурга, начиная от эсеров и заканчивая министрами и депутатами, то нет ничего удивительного, что ни одна новость не проходит мимо ушей Варвары Ивановны! Кстати, могу сейчас с уверенностью утверждать, что не без ее помощи два года тому назад из Петропавловской крепости был вызволен Максим Горький!

— Ну надо же? Значит, это действительно правда. И зачем ей, даме из высшего общества, аристократке, которая вращается в самых высокопоставленных кругах, понадобилось за него хлопотать?

— С ее слов, она столько времени провела в странах Европы, что была очарована их идеалами свободного общества, поэтому не могла остаться равнодушной к демократическим убеждениям Горького!

— Что сказать! — протянул Александр Афанасьевич. — Самая необыкновенная дама Петербурга! Честное слово! Умудряется дружить с революционерами в то время, как напротив ее дома находятся казармы жандармского дивизиона. Эта женщина может обвести вокруг пальца кого угодно, — произнес он с несвойственной ему печальной ноткой в голосе. — Такая точно не пропадет.

— Хочу вам кое в чем признаться, — тихо шепнул Петр Александрович, — у нее есть свои покровители в высших кругах, да и потом, я однажды увидел на ее туалетном столике фотографию вдовствующей императрицы Марии Федоровны с дарственной надписью! Неужто вы думаете, что жандармы сунут свой нос к такой женщине?

— А вот это уже интересненько, — с игривой интонацией заметил Александр Афанасьевич, — и каким образом вы оказались возле ее туалетного столика? Пикантная история, которую вы утаиваете, мой друг?

Петр Александрович еле заметно улыбнулся и покачал головой.

— Поверьте мне на слово, ничего, что могло бы завладеть вашим вниманием! — а затем быстро сменил тему разговора. — Значит, вы соизволили принять приглашение Варвары Ивановны?

— Безусловно!

— Прекрасно, вы будете один или с дамой? — и его глаза вновь лукаво заблестели.

— А Варвара Ивановна так страстно жаждет увидеть меня в чьей-то компании? — съязвил Александр Афанасьевич.

— Ну, вы же прекрасно ее знаете. Она жаждет не столько вас увидеть в чьей-то компании, сколько познакомиться с интересными людьми! Человек она открытый, подчеркнуто любезный со всеми и будет крайне благодарна вам за новые знакомства.

— Что ж, я обязательно подумаю о том, кого бы мог ей порекомендовать, тем более что у меня есть одна персона на примете!

— Звучит интригующе! Он или она?

— В данном случае он; если составите мне сегодня вечером компанию в «Палкине», то я непременно представлю вас друг другу.

— Договорились! Я как раз подумывал о том, как скоротать этот вечерок, — и лицо Петра Александровича резко помрачнело.

— Скоротать? Неужто что-то стряслось? — озабоченно поинтересовался Александр Афанасьевич, внимательно разглядывая друга. — Поссорились с Ириной Николаевной? У вас ведь вроде бы все так замечательно складывалось, даже ее отец дал согласие на вашу помолвку.

— Есть кое-что, о чем вы пока еще не знаете, — сдержанно произнес Петр Александрович, печально вздохнув. — Но слухи быстро расходятся по городу, так что скоро это дойдет и до ушей отца Ирины, и тогда не видать нам ни помолвки, ни свадьбы.

— Что же произошло? Если вы имеете что-либо сообщить, в чем я мог бы посодействовать, то говорите.

Петр Александрович сделал небольшую паузу, а затем пододвинул свое кресло чуть ближе к собеседнику:

— Думаю, что смогли бы. Должен признаться, я хотел бы обратиться к вам с одной маленькой просьбой, и в данном случае выручить меня сможете только вы! — по лицу молодого человека было видно, что говорить об этом ему крайне неудобно, но другого выхода у него не оставалось.

— Что ж, я весь во внимании, — сдержанно ответил Александр Афанасьевич, догадываясь, о чем пойдет речь. Ибо, несмотря на то что характер у Петра Александровича хоть и был позитивным и легким, позволявшим ему лавировать в неспокойные годы эпохи, он с такой же легкостью умудрялся попадать и в неприятности, требующие больших финансовых вложений.

— Дело в том, что вчера вечером я был в Яхт-клубе по делам и, к сожалению, продул там в карты немалую сумму. Если быть точным, то мой долг составляет 10 000 рублей, который мне нужно погасить в ближайшее время. Когда об этом узнает отец Ирины, а этот старый вояка с чиновническим нюхом ничего не упускает, то мне наступит конец. Учитывая тот факт, что в скором времени открываются скачки на Коломяжском ипподроме, а вас удача еще ни разу не покидала, то, может быть, вы посоветуете мне, на кого сделать ставку? Списки всех участников я, как обычно, добуду заранее.

Глаза Александра Афанасьевича тут же сузились в хитром прищуре. Уже не первый раз он видит это выражение на лице Петра Александровича, который, словно нашкодивший парнишка, жалобно обещает, что это в последний раз, хотя все прекрасно знают, что конца и краю этому не видать:

— С этого и надо было начинать. Я чувствовал, что ваш приход не вызван банальной любезностью справиться о моем здоровье!

— Ну что сказать, вы всегда все знаете, и от вас ничего не утаить! — подытожил Петр Александрович.

— Не волнуйтесь, — продолжил Александр Афанасьевич, положив свою правую руку на плечо молодого мужчины. — Я постараюсь вас выручить, но за победу выбранного скакуна, как всегда, не ручаюсь! Не в моей это власти, все дело в удаче!

Петр Александрович тотчас же приободрился и с запалом принялся благодарить своего спасителя.

Поверьте, дорогой друг, я не останусь в долгу перед вами! Вы даже не представляете, как сильно выручите меня своим советом. Ирина будет вне себя от счастья, бедняжка так распереживалась, узнав об этой истории. Вы должны стать моим шафером на свадьбе, считайте, что это мое официальное приглашение.

— Почту за честь, но прежде вы сделаете кое-что и для меня.

— Все что угодно!

— Поставите еще несколько тысяч от своего имени. Не хочу больше привлекать внимание организаторов, они с позапрошлого года зуб на меня точат!

— Еще бы, — усмехнулся Петр Александрович. — Даже тотализатор на год отменили, как вы только умудрились отделаться-то от них! Поражаюсь вашему таланту.

На эту реплику Александр Афанасьевич ничего не ответил, но лицо его застыло в непроизвольной улыбке. В голове моментально промелькнули воспоминания его ошеломительного успеха и выигрыша на тотализаторе и жуткий скандал, вспыхнувший вокруг этого, после чего он даже запретил Агафье приносить в дом ряд журналов, в которых это муссировалось самым

наиактивнейшим образом. Лишь с помощью огромных усилий и благодаря личному знакомству с рядом вышестоящих чиновников и известных петербургских издателей ему удалось избежать волнения в прессе. К счастью, наплыв сплетен закончился этой зимой, и к новому сезону все точно уляжется.

— Вы не переживайте, я все сделаю, — радостно пообещал Петр Александрович и бодро вскочил со своего кресла. — Сегодня вечером всенепременнейше буду в Палкине! И вот еще что, чуть не забыл сообщить! К баронессе в гости приехал ее дальний родственник, двоюродный племянник из какого-то там знатного сербского рода, зануда редкостный, но личность крайне деятельная, как и его тетка. Она взвалила на меня обязанность подыскать ему здесь знакомых, дабы тот не проводил все время в одиночестве. Если вы не будете возражать, то я пригласил бы Стефана в нашу компанию, вчетвером-то оно всегда веселее!

— Конечно же! Буду рад новому знакомству.

— Великолепно, тогда до скорого вечера, а сейчас разрешите откланяться, но мне уже пора, необходимо совершить еще пару визитов!

После чего Петр Александрович, словно юная девица, грациозно выпорхнул из гостиной. В это же время в комнату вошла растерянная Агафья, держа в руках поднос с гороховым киселем, украшенным сверху жареным луком и маринованными грибами.

— Уже ушел? Так быстро? — с обидой в голосе спросила она.

— Ты бы еще час возилась на кухне, конечно ушел, не будет же он ждать тебя вечно!

— Так я как лучше хотела, вот по-ангельски сервировать училась, все сделала, как в журнале описывалось!

— Ну, не расстраивайся, — утешающе изрек Александр Афанасьевич. — Выкладывай свой кисель, значит, я сегодня буду есть за двоих и, поверь, сделаю это с огромнейшим аппетитом!

И он, радостно потирая руки, перекочевал со своего кресла к обеденному столу.

***

Агафья хоть и была девушкой безумно любопытной, но с чистой и открытой душой. Всегда с радостью выполняла все поручения Александра Афанасьевича, да и знакомств у нее было не меньше, чем у хозяина. Она была в курсе всех сплетен, которые порой оказывались куда более достоверными, чем тот рафинированный пересказ, получаемый Александром Афанасьевичем из уст своих друзей. В ее кругах информация не приукрашалась, всё выдавали как на духу. К тому же Агафья была посвящена во все его «маленькие забавы», но об этих вещах держала язык за зубами. Так что она, пожалуй, являлась единственным человеком, которому он мог полностью довериться.

— Кстати, вам сегодня днем посылка пришла, — сообщила она, лукаво улыбаясь, и протянула Александру Афанасьевичу небольшую коробку и конверт. — Не хотела передавать в присутствии Петра Александровича, а то знаете, он хоть и хорошенький, но такой любопытный!

— Я так понимаю, это от Зинаиды Федоровны, — довольно ухмыльнувшись, ответил Александр Афанасьевич. Оторвавшись от своей трапезы, он открыл конверт, после чего его лицо расплылось в радостной улыбке: — Пишет, что сделала для меня подарок самолично и присылает вдобавок к нему еще и журнал «Ежегодник императорских театров», как нельзя кстати, учитывая, что в недалеком будущем я собираюсь в Мариинку!

— Как здорово! Это Петр Александрович вас пригласил? А кто будет на сцене?

— Да, приглашение от его друзей. Вроде бы как сама Анна Павлова!

— Ох, как же вам повезло, у вас такие замечательные друзья! Сама Павлова, — и от переполнявших ее эмоций она радостно затрясла головой. — А с Зинаидой Федоровной вам повезло не меньше, чем с друзьями! Она крайне просвещенная барышня, и театр, и музыку, как вы, любит, — аккуратно добавила Агафьюшка, мечтая найти ему достойную пару. — А знаете,

ведь эта дама мне нравится гораздо больше Ксении Дмитриевны, да! Такая утонченная особа, в искусстве разбирается, вот вам еще и вазу свою прислала, — указала Агафья на коробку, а потом резко замолчала, прикрыв рот руками.

Александр Афанасьевич бросил на нее недовольный взгляд.

— Уже успела посмотреть, что внутри?

— Только краем глаза, я же должна была проверить! — затараторила горничная. — Вдруг что нечистое! Сейчас такое на улицах творится! А ваза красивая, глиняная, с такими яркими цветочными узорами, — и Агафья снова замолчала, плотно сжав губы.

— Ну, ну, — промычал Александр Афанасьевич. — Краем глаза посмотрела, вижу! — И он, тут же открыв коробку, достал оттуда подарок и покрутил его в руках. — Новое увлечение Зинаиды Федоровны — самолично работает на гончарном круге, — и он, поставив вазочку на лакированную поверхность дорогого комода из красного дерева, отошел в сторону, чтобы оценить общий вид, а затем недовольно сморщился. — Ужас! Лучше бы не присылала, и куда я теперь дену это творение?

— А мне нравится, — задумчиво выдала Агафья. — У меня в деревне такая же была, мы как козу подоим, молочко тепленькое примерно в такую же утварь и наливали, а затем на стол ставили! Красота! — протянула она, и Александр Афанасьевич, состроив кислую мину, быстро убрал вазу с комода.

— Ладно, подумаю еще, куда пристроить данное сокровище, — а затем снова обратился к Агафье: — Зинаиде Федоровне ни слова об этом!

Потом он подошел к огромному зеркалу в золоченой раме и, гордо оглядев себя, достал с полочки гребень и аккуратно зачесал волосы назад.

— Надобно костюм к вечеру подобрать, Агафьюшка, чтобы сегодня в ресторане выглядеть должным образом.

— Может быть, Зинаиде Федоровне отправить цветы от вашего имени в знак благодарности? — предложила Агафья, не отступая от своей затеи сближения Александра Афанасьевича с понравившейся ей дамой.

— Ты совершенно права! — и он одобрительно кивнул, продолжая разглядывать себя в отражении. — Спустись в цветочную лавку и закажи у них от моего имени огромный букет! Кстати, Ксении Дмитриевне тоже, она давеча помогла мне один нужный механизм из Пруссии заказать, надо и ее поблагодарить! Разузнай, какие цветы они любят, и сделай заказы.

— Да как я разузнаю-то? — удивленно спросила она, пожав плечами.

— Когда у тебя зуд, ты у их горничных все умудряешься выпытать! Так что сделай, как я прошу, — и он протянул ей червонец. — Самые прекрасные цветы для обеих дам, и чтобы доставили в любую точку Петербурга, где бы они ни оказались этим вечером! А на оставшиеся, — и он на секунду замолчал, погрузившись в себя, — на оставшиеся помолись за меня в храме, свечи зажги, важная встреча мне сегодня предстоит, волнительная. Должно все пройти хорошо!

— А с кем встречаетесь?

Александр Афанасьевич ничего не ответил и лишь грозно стрельнул глазами в ее сторону:

— Ты все поняла?

Агафья тотчас же уверенно закивала и осторожно убрала деньги в передник.

Глава 4 Новый дом

Наше время

Дойдя до конца улицы Некрасова, Анна повернула налево, и по правую руку от нее появилось шикарное белокаменное здание в стиле эклектики со множеством декоративных задумок. Она неспешно подошла к парадной, оглядывая дом, и замерла возле двери. «А если откроет очередная противная старуха? Стоит ли вообще так доверять незнакомым людям?» — промелькнуло в ее голове, но затем она поставила чемодан возле себя и уверенно набрала нужный номер домофона. Без каких-либо расспросов дверь открылась, и девушка быстро вошла внутрь. Что ж, фасад здания обещал больше интриги, чем то, что предстало перед ее взором. Красивая, но уже обветшавшая парадная с побитой лепниной на потолке, многочисленными ужасными проводами, которые словно змеи вились по стенам дома, проникая в чужие квартиры, а еще старинная кабина лифта с выжженной кнопкой вызова. На металлической решетке с затейливыми узорами, которая явно когда-то служила ему убранством, висела пыльная табличка «лифт не работает».

— Хорошо, что не работает, — прошептала Анна. — Я бы в такую точно не согласилась зайти!

— Туда давно уже никто не заходит, — раздалось с лестницы.

Девушка сразу же перевела взгляд наверх. Между первым и вторым этажом стояла стройная дама лет пятидесяти. На ней были теплые брюки серого цвета и яркий красный свитер, волосы аккуратно убраны в большой пышный пучок. Она приветливо улыбнулась девушке, но, несмотря на это, в ее улыбке проскользнуло что-то очень грустное и печальное, хотя лицо было невероятно приятным и добрым, в котором отражались высокие моральные и нравственные устои.

— Я Анна, — представилась молодая особа, подойдя ближе к лестнице. — Ваш адрес мне дала Светлана из булочной, сообщила, что вы сдаете комнату.

— Да, сдаю. Оплата понедельная или подневная, как тебе проще. Еда не входит в стоимость, но сегодня я обязательно тебя накормлю, — заботливо сообщила женщина, оглядывая мокрую и продрогшую девушку. — Гороховый суп любишь?

— Очень! — не раздумывая, ответила Анна и, прихватив свой чемодан, стала уверенно подниматься по лестнице.

— Меня, кстати, зовут Зинаида Марковна, но можно просто по имени, без лишних формальностей! Живу одна, с огромным котом Васькой. Аллергии на животных нет?

— Что вы! Я вообще прекрасно лажу с животными! — бодро защебетала девушка.

Они поднялись на третий этаж, и женщина открыла дверь, пропуская Анну вперед. Оказавшись внутри, она тут же обомлела. Это была самая огромная квартира на ее памяти. Высоченные потолки, на которых, в отличие от парадной, вполне неплохо сохранилась лепнина, здоровые печи с изразцами, просторные комнаты, обставленные если и не самой дорогой мебелью, то явно из очень благородного материала и со вкусом. Питерские квартиры в принципе сильно отличаются от московских, но эта выглядела так, словно время было над ней не подвластно. Посередине длинного коридора, на котором можно было бы смело гонять на велосипеде туда и обратно, развалился пушистый кот серого цвета с огромными зелеными глазами. Он вальяжно махнул хвостом, заприметив Анну, но на большее его не хватило, и, вытянувшись поперек, он грациозно продемонстрировал свои упитанные формы.

— Какая у вас прекрасная обстановка, — прошептала Анна и с усмешкой добавила: — Вы действительно работаете преподавателем в институте?

— Да, — спокойно ответила женщина. — Преподаю немецкий язык, а квартиру приобрел мой муж примерно девять лет тому назад, сделал ремонт и обустроил ее, так что мой педа-

гогический талант тут ни при чем! Это все его заслуги, выдающегося химика, работавшего в свое время на благо отечества. А чем ты занимаешься? Почему решила приехать в Питер?

— Пишу сейчас диплом, — ответила Анна. — А еще недавно рассталась с молодым человеком, поэтому сильно нуждалась в смене окружения. Попросилась к подруге, решила пожить у нее несколько недель, пока та будет отсутствовать, а она уехала на день раньше, позабыв обо мне.

На лице Зинаиды проскочила еле заметная улыбка. Она лишь молча кивнула головой, словно соглашаясь с доводами девушки, а затем, пройдя прямо по коридору, позвала ее проследовать за ней.

— Пойдем, я расскажу тебе, где что находится, чтобы ты не заблудилась! — и она устроила ей краткую экскурсию. — Значит так, как ты уже, наверное, догадалась — это бывший доходный дом. Построили его в конце XIX века с учетом всех технологических возможностей той эпохи.

— Вы имеете в виду лифт? — поинтересовалась Анна.

— Не только. Это самая малость. Основными благоустройствами являлись водяное отопление, поэтому в подвале была собственная котельная, а также приемник для мусора, своя прачечная, водопровод и самое важное, что здесь сделали, — это ватерклозет, то есть туалет! И не надо смеяться: в те времена, между прочим, такое новшество считалось большой редкостью, которую мог себе позволить лишь обеспеченный человек. Кстати, эта квартира никогда не была коммунальной, поэтому она так хорошо и сохранилась.

Зинаида продемонстрировала Анне просторную уборную, затем провела ее на кухню, которая по сути оказалась самым маленьким помещением, так как буржуазия обычно не обедала дома, а значит, и в кухне особо не нуждалась, а после они прошли в гостиную. Это была большая светлая комната со множеством окон и с эркером, вид из которого открывался на пересечение двух улиц. Можно было даже понаблюдать за жизнью города, выйдя на небольшой круглый балкончик, где находился маленький садовый столик с двумя коваными стульями. В гостиной также располагалась огромная печь с зелеными изразцами, пара мягких диванов вдоль окон, кресло с уютным торшером около книжного шкафа, массивный кухонный сервант, старинные часы с кукушкой и обеденный стол.

— По правде говоря, — начала Анна, — у меня есть еще одна давняя мечта, связанная с этим городом!

— Какая же?

— Хочу встретить рассвет над Петербургом, — завуалированно ответила девушка.

— Над Петербургом? Это как же? — удивленно бросила Зинаида. — Ты можешь его, безусловно, встретить, но в Петербурге — обычно так говорят!

— В том-то и дело, что я хочу над Петербургом, — и она загадочно улыбнулась. — Встать ранним утром, сварить себе крепкого кофе и, взяв теплый плед, залезть на крышу дома, чтоб любоваться оттуда рассветом.

— Романтично, но немного рискованная затея!

— Я буду очень осторожно сидеть около самого входа на чердак.

— Что ж, в таком случае это останется лишь твоей мечтой, так как крыша закрыта на замок и выйти на нее не получится, по крайней мере в этом доме!

— Жаль, — и Анна немного взгрустнула.

— Не переживай, ты сможешь встретить рассвет и в гостиной, отсюда открывается великолепный обзор. Я провожу тут очень много времени. Так как кухня маленькая, то обычно обедаю и ужинаю здесь! — пояснила Зина. — Ладно, продолжим, твоя экскурсия еще не окончена. Тебя ждет самое интересное, — интригующе произнесла она, направившись дальше. — Первая дверь налево по коридору — это моя спальня, далее следует кабинет, а здесь небольшой коридорчик, который ведет в две комнаты, твоя — та, что с правой стороны. — Она открыла

ее и пропустила Анну вперед. Это была уютная спальня, в которой имелось все самое необходимое для жизни.

— Замечательно! — звонко воскликнула девушка, закатив внутрь свой чемодан. — Мне очень нравится.

— Рада это слышать.

— А кто проживает в соседнем помещении? — поинтересовалась она.

Услышав этот вопрос, Зинаида тут же помрачнела.

— Эта комната моего покойного мужа, — с дрожью в голосе ответила женщина.

— Извините, не хотела об этом напоминать, — поспешно сказала Анна, почувствовав жуткую неловкость.

— Да в этом нет ничего особенного. Он и сам о себе постоянно напоминает.

Анна перевела на нее изумленный взгляд.

— И каким же образом?

— Ну, он частенько заглядывает сюда, — без грамма смущения заявила Зина, что вызвало еще большее недоумение на лице девушки. — Да, периодически я замечаю какие-то небольшие перестановки в его комнате, мои соседи снизу несколько раз слышали странные шумы в то время, когда меня не было в квартире, а еще он оставляет мне небольшие подарочки, — улыбнувшись, подытожила женщина, и у Анны в голове тотчас же проскользнула одна, но очень логичная мысль: не могло все складываться настолько хорошо!

— Пойдем, я тебе кое-что покажу, — и Зинаида позвала ее за собой, они снова вернулись в гостиную и подошли к серванту. — Вот видишь эту глиняную вазу с яркими цветами?

Анна еле заметно качнула головой.

— Я ее не покупала, она сама здесь сегодня появилась. Не было — и вдруг смотрю, стоит на комоде такая красота! Мне кажется, что ее можно идеально использовать вместо молочника!

Девушка в очередной раз озадаченно посмотрела на Зинаиду, не понимая, что именно ее смущало в этой фразе больше всего: тот факт, что этот аляпистый самодельный горшок едва ли можно было назвать красивым, или то, что Зина на полном серьезе считает, что ее бывший муж таскает ей с того света явно ненужные там предметы.

— А эти старинные часы, — продолжила женщина, — кукушка у них, правда, не работает, но я тоже их не покупала, они сами здесь появились, кстати, на годовщину нашей с Шурочкой свадьбы.

«Не знаю насчет кукушки у этих часов, — подумала про себя Анна, скривив губы в печальной улыбке, — но ее кукушка точно не работает! Как жаль! Все так хорошо начиналось. Видимо, мне все-таки придется подыскать себе комнату в отеле!»

— Еще вот эта прелесть, — добавила Зина, указывая на старинное потертое кресло, расположенное рядом с торшером. — Такая форма именуется «бержер», правда, на нем совершенно невозможно сидеть, все пружины повыскакивали, но оно тоже оказалось здесь без моего ведома! Я спрашивала у реставраторов, сколько будет стоить их работа, они заломили мне такую сумму! — и женщина тяжко вздохнула. — Поэтому-то я и решила сдать одну из комнат в квартире, чтобы накопить денег на починку Шурочкиного подарка!

Зинаида любовно провела рукой по спинке кресла. Чувствовалось, что она очень сильно привязана к своему мужу и безмерно тоскует по нему, как только могут тосковать люди, которым действительно посчастливилось испытать настоящую любовь.

— Картина, которая висит на стене напротив стола, возникла таким же случайным образом. Внизу стоит автограф Ренуара, но думаю, что это просто копия! У Светланы, которая работает в булочной, есть один знакомый коллекционер. Он был как-то раз у меня в гостях и подтвердил, что она не является подлинником. Правда, он лишь коллекционер и официальную экспертизу сделать не может, а мне все как-то не до этого.

«Это не может быть подлинником», — снова промелькнуло в голове Анны, внимательно вглядывавшейся в яркое полотно. — «Если судить по всем остальным подаркам с того света, то эта вещь может быть лишь копией, хотя, пожалуй, она кажется самым лучшим из того, что ее Шурочка смог для нее добыть».

— Ну что, может быть, теперь пообедаем? — предложила Зинаида. — Я, в принципе, тебе все объяснила.

— С удовольствием, — ответила девушка. — Тем более что у меня есть кое-что к чаю, — и она, сбегав в свою комнату, достала из сумки огромный тульский пряник!

— Как замечательно! — весело воскликнула Зинаида. — Сто лет не баловала себя тульскими пряниками!

После обеденной трапезы Анна разобрала свои вещи, разложив их в шкафу, и отправилась гулять по центру города. Погода наконец-то наладилась. Ее радовало, что эту ночь она все же проведет не на вокзале, а еще тот факт, что, в отличие от ее родного города — Москвы, в Петербурге никто не вел на центральных улицах постоянных раскопок. Находиться летом в столице было просто невозможно. Каждый год проходила замена асфальта на плитку. Казалось бы, затея неплохая, но делалось это крайне некачественно, в результате чего на следующий год плитку снова приходилось перекладывать, и опять же этот утомительный процесс выпадал на весну и лето — просто какой-то замкнутый круг! Горожане могли лишь надеяться, что когда-нибудь это закончится.

По сравнению с тем, что творилось в столице, в Петербурге царила тишина и покой, поэтому можно было сделать замечательные фотографии и отправить их бывшей подруге, которая так сильно подвела ее с жильем.

Глава 5 В ресторане

1907 год

Весь центр города был перерыт, что жутко раздражало Александра Афанасьевича. Картина на Невском, за которой петербуржцы наблюдали уже второй год, сильно портила впечатление от столицы. На дорогах лежали груды щебенки, песка, деревянные бочки, в которых доставлялся сыпучий материал, а еще булыжный камень. Неудобства были связаны с технической модернизацией общественного транспорта, а именно — укладкой трамвайных путей. Кошмарные пертурбации начались в августе 1906 года и активно продолжались и в нынешнем году. Параллельно на многих участках проходила замена канализации. Учитывая тот факт, что у городского управления не было точных данных о расположении большинства труб, все это вызывало огромное количество переделок и, к сожалению, сопровождалось не только жутким шумом, но и ужасной грязью! Ведь с обильным количеством осадков в здешних местах проблем никогда не было. К тому же рельсы прокладывались через 65 мостов, в том числе и через Аничков, в результате чего приходилось реконструировать еще и мосты, которые, по сути, расширялись. Как-то на днях Александр Афанасьевич видел рабочих, перекатывающих огромную деревянную катушку с кабелем по Загородному проспекту; зрелище было впечатляющее, но пугающее. В некоторых кварталах уже устанавливали трамвайные столбы, но до окончания работ было еще так далеко! Местные газеты, безусловно, старались поддерживать оптимизм горожан и сообщали о том, что работы почти всюду заканчиваются с незначительным опозданием, но далеко не всем верилось в столь позитивные умозаключения.

— Ну да, с незначительным опозданием, — повторил Александр Афанасьевич, читая газету «Новое время», которую недолюбливали многие его друзья-либералы, обвинявшие главного редактора Суворина в прислужничестве властям. Александр Афанасьевич не всегда доверял тому, что описывалось в этом издании, но считал, что газета никогда слепо не следовала в фарватере правительственной политики. Хотя в каком-то смысле слова и тяготела к консервативному флангу общественной мысли, тем не менее он всегда просил Агафью приносить свежий вечерний выпуск.

— Но ведь когда-нибудь это закончится, — произнесла горничная, которая подготавливала к вечеру его костюм, перешивая на нем пуговицы.

— Знать бы еще когда, — недовольно буркнул он, усевшись в свое любимое отреставрированное кресло «Бержер». — Они тут пишут, что на запуск линии первой очереди уже потрачено 210 тыс. рублей! — и от этой цифры его глаза тут же поползли на лоб. — Какая колоссальная сумма! Деньги пошли на строительство центральной станции, рассчитанной на 10 000 лошадиных сил, и еще пяти подстанций. Также им пришлось изготавливать крестовины не из рельсовой стали, а для прочности — из марганцевой! Учитывая тот факт, что я химик по образованию, то имею неплохое представление, о чем идет речь, но для обычного обывателя, уверен, это прозвучало все равно что на арабском.

Он продолжил вчитываться в статью, и тут на его лице проскользнула печальная улыбка.

— А догадываешься ли ты, Агафьюшка, где они вагоны заказывали?

Горничная тотчас же отрицательно закачала головой.

— В Англии! — хмыкнул Александр Афанасьевич. — На заводе «Бреш», а тендер по прокладке в столице первой линии электрического трамвая выиграла американская компания «Вестингауз»! В этой стране ничего не меняется, теперь понятно, откуда такая колоссальная сумма, — и он тихо добавил: — Интересно, сколько же она отстегнула местным властям!

— Что сделала? — неуверенно переспросила Агафья, отвлекшись от костюма Александра Афанасьевича, который резко замолчал.

— Ничего, не обращай внимания!

— Ну и словечки у вас, однако! В «Вестнике Европы» я такие фразочки еще ни разу не встречала.

— Поверь, ты от этого ничего не потеряла. А сейчас скажи-ка лучше: костюм мой готов? — И он отложил газету в сторону, подойдя к горничной, которая сидела на стуле возле окна.

— Да! Можете собираться! Извозчик подъедет к десяти вечера, так что вы успеете доехать до ресторана к назначенному времени, даже с учетом всех ведущихся в городе работ!

***

«1 марта 1911 года по обвинению во взяточничестве и вымогательствах был арестован статский советник, чиновник Городской Думы и сенатский прокурор Виктор Дандре. «Теперь уже окончательно выяснилось, что в деле отдачи подрядов и взяточничестве существовала целая организация. Вся тяжесть обвинений падает на Дандре» — писала «Петербургская газета». Как выяснило следствие Дандре (а следовательно и находящаяся на его содержании госпожа Павлова) жил за счет того, что мы называем «откаты» и «распилы». Так в 1907 году, когда в Петербурге строили трамвай, на подряд претендовали две компании — немецкая «АЕГ» и американская «Вестингауз». Тендер выиграли американцы не поскупившиеся на взятки городским чиновникам. Виктор Дандре получил от «Вестингауза» 7500 рублей.»

***

Александр Афанасьевич приехал чуть раньше назначенного времени. Опаздывать он не любил и предпочитал все делать заблаговременно. Да и потом, надо было заранее переговорить со своим новым знакомым до появления Петра Александровича и племянника баронессы. Поднявшись по широкой мраморной лестнице ресторана, он оказался в просторном светлом зале с огромными окнами, богато украшенным потолком и множеством уютных столиков с венскими стульями. Этим вечером здесь, как всегда, было людно, хотя некоторые места еще пустовали; но «Палкин» был не тем заведением, которое могло бы жаловаться на отсутствие гостей или признания: вышколенный сервис, первоклассная кухня и музыкальное сопровождение по вечерам. Это был самый что ни на есть классический столичный ресторан, состоящий из 25 залов, бильярдной, собственного винного погреба и огромного бассейна со стерлядями. В 1905 году при ресторане был открыт новый концертный зал, в котором выступали солисты известных миланских театров, в том числе и «Ла Скала». Не гнушались здесь встречами и революционеры: так, Ленин провел несколько конспиративных заседаний сотрудников большевистской газеты «Новая жизнь» в кабинетах этого ресторана.

Официант проводил гостя к столику в центре зала, за которым его уже поджидал статный молодой человек в строгом черном костюме. Александр Афанасьевич, вежливо поздоровавшись с ним, тут же схватил меню, состоящее из двадцати наименований, и быстро пробежался по знакомым блюдам. Среди самых дорогих были «омаръ свѢжий, соусъ провансаль», «стерлядъ по-русски», каждое по 3 рубля, а также «форель гатчинская о-бле» и «тюрбо отварное, соусъ голландскій», которые шли чуть дешевле, по 2,50 рубля.

— Петр Александрович должен появиться с минуты на минуту. Он открыт, любознателен, легок в общении и искренен в своих мыслях и суждениях. В этом я даже не сомневаюсь, — заявил он, не отрывая глаз от меню.

— Безусловно, — коротко и крайне сдержанно ответил молодой человек.

— Но знакомство с ним вам будет крайне полезно и, надеюсь, что приятно. Он очень близок с баронессой фон Гильденбанд, — продолжил Александр Афанасьевич. — Именно благодаря нему я получил сегодня днем приглашение в ее ложу в Мариинском театре. Думаю, что мне удастся к этому моменту познакомить и вас с Варварой Ивановной.

— Был бы вам крайне признателен, — произнес молодой человек, и его карие глаза хитро заблестели, почувствовав интерес к предстоящей встрече.

— Более того, сегодня вечером он явится сюда в компании племянника баронессы, сербского князя. Персона в городе новая и нуждается в знакомствах; полагаю, что и с ним вам стоит сойтись в дружеских отношениях.

Петр Александрович прибыл в ресторан чуть позже намеченного в сопровождении упитанного, но доброжелательного на вид молодого человека, и оба уже были навеселе. Особой красотой сербский князь не выделялся, но был розовощеким, чернобровым и высоким, а уж держался он и впрямь по-княжески, с особым величием. Что касается Петра Александровича, то, судя по всему, бедняга жутко переживал по поводу своего карточного долга. Правда, сложно было понять, что сильнее его тревожило: тот факт, что он проиграл, или то, что это грозило ему расставанием с невестой, чьей руки он добивался уже несколько лет.

— Прошу прощения за столь неучтивое появление и не совсем подобающий вид, — сказал он, сделав порывистый поклон головой. — Но я не удержался и пришел до ужина!

— Ничего страшного, позвольте вам представить Андрея Николаевича, — и Александр Афанасьевич указал на молодого человека с серьезным взглядом и крайне сдержанным поведением.

— Рад знакомству, друзья моего друга — мои друзья! — сообщил Петр Александрович и моментально спохватился, вспомнив, что пришел на ужин совсем не один. — Прошу любить и жаловать: прекрасный человек, племянник баронессы, из старинного княжеского сербского рода, Стефан.

— Можно просто по имени, — быстро ответил розовощекий мужчина, усаживаясь за их общий стол. — Столько уже наслышан о вас, что не терпелось познакомиться!

Александр Афанасьевич учтиво улыбнулся и сделал знак рукой, подзывая к себе официанта, в то время как Петр Александрович с интересом разглядывал новую для него персону, явно сильно контрастировавшую с ним по манере держаться в светском обществе.

— А я вижу, что вы очень серьезный и, судя по всему, умный человек! — неожиданно сказал он, обратившись к Андрею Николаевичу. — В наше время это редкость, хотел бы и я быть таким же, меньше совершал бы ошибок, — и он весело засмеялся.

— Важно не то, как выглядит человек, а то, что по истине скрывается за его внешним видом, — заметил Андрей Николаевич.

— Именно! — согласился Петр Александрович. — Сейчас мы и узнаем, что за внешним видом каждого из нас скрывается, а в этом нам поможет традиционный русский продукт, самый верный для этих целей! — протянул он и обернулся к подошедшему официанту. — Графин водки, пожалуйста! Надеюсь, что друзья поддержат меня в этом выборе?

Все трое, молча переглянувшись, одобрительно кивнули.

— Прекрасно! Графин водки, соленых огурчиков, маринованных грибочков с лучком, что вы еще планировали заказать? — и он вопрошающе обратился к Александру Афанасьевичу.

— Планировал взять филе соте с шампиньонами и бутылку шампанского «Луи Родерер» за 9,50 руб. Надо же нам выпить за знакомство

Петр Александрович сразу же недовольно хмыкнул.

— Кто же шампанское за знакомство пьет, тем более в отсутствие дам! В общем, голубчик, нам водочки, закуску, филе соте, а мне котлетку какую-нибудь, и пожирнее, а то меня совсем развезло!

Официант кивнул головой и моментально удалился.

— Итак, — бросил Петр Александрович, обращаясь к молодому человеку, на котором он продолжал фокусировать свой затуманенный взгляд. — Чем же вы, Андрей Николаевич, занимаетесь? Должно быть, нечто интересное и нестандартное, потому как других знакомых у Александра Афанасьевича просто быть не может!

— Я являюсь помощником одного из депутатов Государственной Думы, — без лишних разъяснений ответил молодой человек, и Петр Александрович мгновенно перевел удивленный взгляд на Александра Афанасьевича.

— Я так и знал, что персонаж вы интересный, как чувствовал! И к какой же фракции вы относитесь?

— К самой прогрессивной.

В глазах Петра Александровича снова вспыхнул огонек:

— Это теперь так именуется в народе? — усмехнувшись, спросил он. — Видимо, к самой либерально-прогрессивной!

— Мы за правду, Петр Александрович, — подытожил Андрей Николаевич. — За равенство и братство, которое в ближайшее время должно наступить в России и обязательно наступит благодаря нашим многочисленным и многолетним стараниям! Как говорится: «В борьбе обретёшь ты право своё!». И мы боремся за новую Россию.

В этот момент официант снова подошел к ним с огромным подносом и накрыл на стол все выбранные ими ранее блюда.

— Тогда предлагаю выпить за прекрасную встречу и приятное знакомство! — бодро объявил Петр Александрович. — Дело ваше опасное, но и впрямь благородное! — добавил он, разливая водку в хрустальные стопки.

После нескольких радушных тостов и приемов народного средства разговор перешел в непринужденное дружеское русло. Более того, оказалось, что у Андрея Николаевича, Стефана и Петра Александровича было много общих интересов, ну а уж тема политики в те годы интересовала почти каждого, а тех, кто был далек от этого, можно было смело именовать «идиотами», ибо в Древней Греции «идиотами» называли тех граждан, которые отказывались принимать участие в общественной жизни.

— Экая интересная история со мной давеча произошла в Новом клубе после традиционного вторичного обеда, а обедал я, между прочим, ни с кем-нибудь, а с самим Мосоловым! — гордо заявил Петр Александрович и продолжил: — Представляете, подсаживается к нам бывший начальник Главного тюремного управления, нынче статс-секретарь, Галкин-Враской, и без какого-либо вступления обращается напрямую к Мосолову: «Он очень красивый, страшно богатый, отлично воспитанный, а в придворном мундире будет украшением двора. Ему мундир пристал, как корове — седло!» Мосолов, выслушав его, спрашивает: «Как, дескать, фамилия вашего протеже?», а статс-секретарь в возрасте-то уже, ничего не помнит! Подзывает к себе маркера и говорит ему: «Послушай, а как фамилия красивого молодого человека, который мне проиграл три партии?» — тот ему отвечает: — «Князь Карагеоргиевич, Ваше высокопревосходительство», — а он ему: — «Да нет же, Карагеоргиевича я хорошо знаю: он у меня выигрывает. А вот другого как зовут?»

Компания мужчин тотчас же дружно разразилась смехом. В особенности покатывался Стефан, держась за свой упитанный живот, после чего сделал гордое заявление:

— Между прочим, Карагеоргиевичи — это королевская династия Сербии, поэтому не могут проигрывать в карты!

— В общем, к чему это я все рассказывал вам: карточные дела все улаживают по-разному, кто как может! Жаль, что я проигрался не Галкину-Враскому, сейчас бы ходил в мундире и был украшением императорского двора, — улыбаясь, подытожил Петр Александрович.

К половине двенадцатого на сцене ресторана появился итальянский оперный ансамбль под управлением Манлио Баваньоли, миланского дирижера. К этому времени все столики были уже заняты, и внешний вид гостей едва ли уступал вечерним театральным нарядам. Неожиданно в зал вошел скромный молодой человек, посыльный, работающий в одном модном цветочном магазине. Он держал в руках огромную корзину, состоящую минимум из 51 чайной розы. К ней также прилагалась небольшая фирменная открытка, в которую обычно вписыва-

лось имя дарителя. Первоначально все гости, переглянувшись, подумали, что столь пышный букет предназначается для примы оркестра, но, к удивлению всех, корзина опустилась на стол одной дамы в прекрасном темно-синем платье. Глаза Александра Афанасьевича моментально увеличились в размерах, ибо ей оказалась Зинаида Федоровна, его пассия, приславшая давеча ему свое творение в виде глиняного горшка. Дама изящно поблагодарила посыльного и, прочитав открытку, одарила Александра Афанасьевича самой теплой и милой улыбкой на свете.

— Какой вы, оказывается, галантный кавалер! — с насмешкой изрек Петр Александрович, наблюдая вместе со всеми за этой впечатляющей картиной. — Так изящно и, право же, порыцарски ухаживать за своей Дульсинеей, а если быть точным, то аж за двумя Дульсинеями, — сакцентировал он на последнем слове и продолжил: — можете только вы!

Александр Афанасьевич наморщил лоб, пытаясь сообразить, о чем идет речь, но не прошло и минуты, как до него стали доходить слова, сказанные Петром Александровичем. В зале появился еще один посыльный из цветочного магазина, и, к удивлению гостей, в руках он нес точно такой же букет, состоящий из 51 чайной розы, и маленькую открытку, только предназначался он уже совсем другой даме, расположившейся через несколько столиков от них возле окна. Что-то екнуло внутри Александра Афанасьевича, и он с ужасом осознал, что второй такой букет нашел свое пристанище у Ксении Дмитриевны, его другой пассии, которая также этим вечером решила поужинать в «Палкине». Гости в зале стали перешептываться и тихо посмеиваться. Тем временем две совершенно незнакомые между собой дамы, вначале увидев друг в друге ярых соперниц, почувствовали на себе взоры окружающих и мгновенно осознали непростительное предательство, которое должно было вылиться в жуткий скандал и быть смыто лишь кровью!

— Ой-ой! — обеспокоенно простонал Петр Александрович, глядя на побледневшего Александра Афанасьевича. — Что сейчас начнется! Боюсь, что даже депутат Государственной думы не сможет вас спасти!

— Петр Александрович совершенно прав, — согласился Андрей Николаевич. — Если вы сию же минуту не покинете данное заведение, то эти фурии обрушат на вас весь свой гнев; нанести такой афронт даже неумышленно сразу же двум дамам — неслыханная дерзость

— Немедленно покидаем ресторан, ловим первую же пролетку и несемся от греха подальше! — активно жестикулируя руками, скомандовал Петр Александрович и, резко поднявшись со своего места, пошатнулся в сторону, чуть не задев соседний столик.

— Да уж, — печально выдавил Александр Афанасьевич. — «Несемся» в вашем случае звучит крайне оптимистично, вы даже на своих двоих не можете держаться!

— Ничего! Я сейчас соберусь с мыслями и ради вас сделаю невозможное! — ответил тот, а затем обратился к князю, положив свою руку ему на плечо. — Дорогой мой, милый Стефан, вынужден покинуть вас, дабы спасти друга, но оставляю в надежных руках Андрея Николаевича, — затем он замолчал и сделал легкий поклон.

Не теряя более ни единой минуты, Александр Афанасьевич схватил его под локоть и второпях поволок в сторону лестницы, в то время как угроза с обоих флангов нарастала с очень быстрой и, главное дело, трезвой силой. Они спешно выбежали на улицу и заскочили в первую же подъехавшую к ресторану пролетку, которая, к их счастью, только что подвезла к нему новых гостей. Александр Афанасьевич свободно выдохнул, осознав, что ему удалось скрыться от нарастающей бури.

— А вы везунчик, успели ретироваться, — бодро произнес Петр Александрович, протрезвев от холодного ночного воздуха и от возникшей суматохи, когда они уже ехали по Невскому. — За мной никогда не бегало одновременно столько прекрасных женщин. Так что я ошибся на ваш счет: вы не Дон Кихот, вы Дон Жуан!

— Скажите тоже! Никогда не думал, что такое недоразумение может произойти со мной, да еще и в общественном месте, на виду у многочисленной публики!

— Скандал мог бы выдаться зачетный, не хуже, чем у Дягилева, Философова и Гиппиус в «Даноне»! Эх, какого представления вы нас лишили: миланская оперная дива отдыхала бы на фоне глиссандо Зинаиды Федоровны и легато Ксении Дмитриевны.

— Боюсь, что от них вы услышали бы лишь одно крещендо!

Оба переглянулись и тут же прыснули со смеху, столь неожиданно и звонко, что кучер, подпрыгнув на козлах, сердито оглянулся назад.

— Я поручил Агафье послать по букету каждой, предварительно разузнав у их горничных, где они будут этим вечером, — пояснил Александр Афанасьевич. — Вместо этого «подсолнух», видимо, сболтнула лишнего и рассказала прислуге о моих намерениях посетить сегодня ресторан «Палкин», и обе, безусловно, решили явиться именно сюда. Кто бы знал, что выйдет такая оказия, перед Андреем Николаевичем и Стефаном жутко неудобно, — печально подытожил он.

— Да, согласен, — произнес Петр Александрович. — Но думаю, что они найдут общие темы для разговора. Тем более что ваш друг мне показался славным малым, хотя и немного неэмоциональным. Полагаю, что я смогу придумать, как загладить перед ним нашу вину.

— Буду вам крайне признателен.

— Замолвлю за него словечко перед баронессой, тем более что она любит видных мужчин, да еще и с революционным духом!

После чего Петр Александрович резко дернулся и полез во внутренний карман своего пальто.

— Чуть было не забыл! — и он вытащил из него какой-то аккуратно сложенный лист бумаги. — Это списки всех участников ближайших скачек на Коломяжском ипподроме. Как и обещал, я достал имена основных претендентов.

— Прекрасно! Будем считать, что ваш карточный инцидент на этом исчерпан, я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы вы смогли погасить свой долг чести!

Глава 6 Встреча

Наше время

Так как Зинаида работала в институте, то примерно каждое утро покидала дом в 8:00, чтобы успеть к первой паре. Для Анны это была несусветная рань, ведь ее день начинался обычно в 10:00, но, дабы проводить Зину, она решила в этот раз встать пораньше. Окно ее спальни упиралось чуть ли не в стену соседней квартиры; по этой причине луч света в ней был далеко не самым частым явлением, а потому спалось здесь сладко, хорошо и долго. Зато гостиная, выходившая на шумную улицу, была залита утренним солнцем. Оно струилось сквозь нежно-розовые занавески, просачиваясь золотистым потоком. «Невероятно красиво и праздничнo», — промелькнуло в ее голове. Она сонно потирала глаза, любуясь, как все убранство комнаты мерцает и переливается. Совсем по-другому заиграли журнальные столики, покрытые тонким лаком, с отражавшимися на нем солнечными бликами; золоченая багетная рама огромного зеркала выглядела так, словно ее только что начистили до блеска, а зеленые изразцы камина приобрели благородный изумрудный окрас. На фарфоровых вазочках радостно закружились маленькие купидончики, и даже бархатная мебель, над которой в ярком дневном свете витали еле заметные пылинки, смотрелась совсем иначе, по-новому. У Анны неожиданно возникло ощущение, что она попала в ту самую эпоху, когда эта квартира только открыла двери своим первым жильцам. И если бы не машины, которые дружно начали гудеть, то и впрямь можно было бы допустить, что она на мгновение перенеслась в другое время.

— Если ты любишь бутерброды, то в холодильнике есть докторская! — из коридора раздался голос Зинаиды, которая в спешке натягивала на себя пальто. — Любительскую не бери, она просрочена, я Ваське ее вечером дам. Правда, он, засранец, жир не ест, съедает только мясо, настоящий питерский гурман. Ну да ладно, ежели вдруг что понадобится, пиши эсэмэс, номер телефона я тебе оставила!

Анна прошла к Зинаиде и молча кивнула головой.

— Тогда до вечера! — и с этими словами хозяйка покинула свою квартиру, оставив девушку наедине с огромным котом, который, как обычно, вальяжно растянулся в холле на любимом половике.

«Сделать бы несколько фотографий, пока я еще живу здесь», — подумала она. — «Такая шикарная хата, пару селфи в гостиной были бы кстати». Анна подошла к огромному зеркалу, в отражении которого увидела жутко заспанную молодую особу в длинном розовом пеньюаре и с растрепанным пучком на голове.

— Нет уж, — прошептала она, тут же передумав после непродолжительного изучения своего внешнего вида. — Для хорошей фотосессии нужно хорошо выглядеть, а на кого я сейчас похожа? — и с этим вопросом она повернулась к коту, который мяукнул ей в ответ что-то на своем кошачьем, после чего запрыгнул на большой бархатный диван и свернулся на нем калачиком.

— Ты прав, парень, — ответила Анна. — Слипшиеся ресницы и след от подушки — такие фотографии подойдут лишь для царства Морфея. Поэтому я, пожалуй, тоже посплю еще немного, а потом приведу себя в порядок и устрою настоящую фотосессию! — и, вернувшись в свою комнату, моментально завалилась обратно в постель.

Правда, спала она недолго, минут сорок, пятьдесят от силы. Странный шум неизвестного происхождения, неожиданно раздавшийся в квартире, разбудил девушку. Открыв глаза, Анна тут же устремила свой взор в потолок, соображая, что происходит. В доме явно находился кто-то еще, помимо нее и Васьки. При этом непонятные звуки доносились из соседней комнаты, которая принадлежала покойному мужу Зинаиды. Вскочив с кровати, Анна накинула на себя халат и, осторожно приоткрыв дверь, стала наблюдать за происходящим. В душе теплилась

слабая надежда, что из института раньше времени вернулась Зинаида, которой просто нужно было что-то найти в этой комнате, но затем она увидела нечто такое, от чего ее ладони моментально похолодели. Из соседнего помещения, как ни в чем не бывало, вышел мужчина в темном костюме. Он спокойно распахнул дверь в гостиную и прошел внутрь. У Анны сразу же перехватило от страха дыхание, и она, стараясь успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, осознавая, что в квартиру каким-то образом прокрался чужак. Нужно было срочно что-то предпринимать. Она аккуратно вышла из своей спальни и, дойдя до гостиной, спряталась за распахнутой створкой, продолжая за ним наблюдать. Выглядел он, конечно, странно: допотопный костюм с удлиненным пиджаком, закругленные туфли, черные идеально выглаженные брюки с ровными стрелками; в руках он держал старинные круглые часы на цепочке, периодически сверяясь со временем на них. Было в его рафинированной элегантности что-то удивительное и ошеломляющее, да и воры так обычно не одеваются, если только этот чудик не мнит себя Робин Гудом. Мужчина внимательно оглядел страшную глиняную вазочку, стоящую на серванте, и на его лице проскочила легкая ухмылка, после чего он решительно проследовал на кухню. Анна на цыпочках прошла следом за ним и остановилась за углом. Необычный гость явно бывал в этих местах, уж слишком хорошо он ориентировался в квартире и знал, где что находится. Открыв холодильник, он достал любительскую колбасу, которая предназначалась коту, и до неприличия быстро смолотил несколько кусочков. Столь необычное поведение странным образом контрастировало с его эстетствующим внешним видом. Недовольный Васька вбежал на кухню, распушив хвост, и принялся угрожающе мяукать, борясь за остатки своего ужина.

— Сгинь, тварь пушистая, — сердито вымолвил мужчина и, несколько раз громко чихнув, добавил: — Сейчас тапком получишь! — Кот тут же отреагировал на гневную реплику и, как ошпаренный, бросился прочь, пулей промчавшись мимо Анны. Девушка последовала за котом, осознав, что это лучшее решение, и, вернувшись в гостиную, спряталась за диваном, продолжая прислушиваться к каждому шороху. В ее сознании все перемешалось, она не понимала, как себя вести и что делать. К этому моменту Анна почувствовала, что уже все ее конечности похолодели от ужаса, а во рту жутко пересохло, поэтому орать явно было бесполезно.

Окончательно покончив с колбасой, мужчина вернулся обратно в комнату. Анна продолжала осторожно наблюдать за ним из-за спинки дивана. Подойдя к старинным часам со сломанной кукушкой, он, открыв стеклянную дверцу, достал оттуда какой-то предмет, внешне напоминающий телефон. Затем устремился к креслу, расположенному около эркера, и попробовал усесться в него, но моментально подскочил, почувствовав выпирающие пружины.

— Вот зараза! Надо будет и тебя реставраторам отдать, — прокряхтел он, потирая свою пятую точку. — Вечно забываю про эту подставу, — и, перейдя к дивану, за которым пряталась Анна, продолжил что-то изучать в своем аппарате.

Неожиданно для всех в коридоре кто-то зазвенел ключами, послышались звуки открывающегося замка. Мужчина тут же вскочил со своего места, как ужаленный. Вначале он метнулся к своему тайнику, а потом быстро побежал в комнату покойного мужа Зинаиды и тихо закрыл за собой дверь.

***

— Чем занимается наш деканат, не пойму! — вдруг крикнула Зинаида из прихожей. — Представляешь, мне и моей коллеге поставили пару на 9:00 у одной и той же группы, и как мы должны лекцию читать с ней? По очереди, что ли?

Она заварила себе чашку черного чая на кухне, а потом прошла в гостиную, где на самом краю дивана сидела перепуганная Анна в своем розовом пеньюаре. Вся съежилась, как маленький испуганный воробушек, и взгляд у нее был такой потерянный и отрешенный.

— Анна? — разрушив молчание, обратилась она к ней. — С тобой все в порядке?

Девушка, не сказав ни слова, отрицательно покачала головой.

— Ну еще бы, — усмехнувшись, произнесла Зинаида. — Это все любительская колбаса, из-за нее ты такая бледная. Я же сказала, что она просроченная, поэтому — для Васьки! Ему-то точно ничего не будет, а ты вон теперь какая сидишь, словно неживая.

— Я не ела колбасу, — пролепетала Анна, продолжая смотреть в одну точку перед собой.

— А куда она тогда делась? — с улыбкой поинтересовалась Зинаида. — Я же говорила тебе, Васька жир не ест! Он у меня гурман, хотя любит эту колбасу так же сильно, как Шурочка, — и на ее лице снова появилась тоска по мужу.

Анну эта фраза очень напрягла, и она уже было открыла рот, чтобы задать ей какой-то вопрос, но ее внимание привлек Васька, который с усердием скребся в дверь соседней комнаты, откуда появился непрошеный гость.

— Что он там забыл? — удивленно спросила Зинаида и, войдя в комнату, впустила туда и кота. Анна поспешила за ней.

«И где он тут прячется?» — промелькнуло в ее голове. Она быстрым взглядом обвела заброшенную спальню, но в ней никого не было. Васька подбежал к огромному старинному шкафу, расположенному почти вдоль всей стены, и, приоткрыв лапой дверцу, сунул внутрь свою мордочку, а затем быстро выбежал из помещения.

— И он сегодня какой-то нервный, прям сам не свой. Видимо, предчувствовала кошачья душа, что не получит своей порции колбаски! Ладно уж, что собираешься делать днем?

— Отправлюсь на экскурсию в Петергоф, — отрешенно ответила Анна, явно думая совсем о другом.

— Прекрасно! Хорошая идея, — согласилась Зинаида. — А я через пятнадцать минут снова поеду в институт. Решила заглянуть, коль пара отменилась, проверить, как ты здесь! — и с этими словами она неторопливо вышла из комнаты, оставив Анну на пороге, которая продолжала внимательно оглядываться.

***

«Этот мужчина он так странно выглядел: его внешний вид, его допотопный костюм, обувь словно он прибыл сюда откуда-то издалека, словно из другой эпохи. Хотя о чем это я рассуждаю? Какая еще другая эпоха! Но куда же он тогда делся? Кто он вообще такой?» — постоянно повторяла Анна. — «Не могло же мне все померещиться, или могло?»

Умывшись холодной водой и приведя себя в порядок, она встала перед той самой дверью, долго не решаясь открыть ее. Затем, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, осторожно дернула за ручку. Убедившись, что там никого нет, она зашла внутрь и принялась внимательно изучать все предметы, находившиеся в комнате. Помещение было довольно мрачным: одно-единственное окно, как и в ее спальне, выходило во внутренний тихий двор и было в паре метров от соседней стены дома. Справа от двери стоял большой письменный стол, на нем лежали несколько книг, принтер и старый стационарный телефон; кожаный стул был придвинут к окну, плотно задернутому унылыми серыми занавесками, напротив которого располагалась огромная дубовая кровать. Рядом с ней вдоль всей стены красовался здоровенный платяной шкаф из черного дерева. Пожалуй, это был самый суровый и грозный шкаф, который Анне когда-либо доводилось встречать и который благодаря своим впечатляющим размерам сразу же приковывал к себе внимание. Он был такой массивный, что в нем вполне могла бы поместиться еще одна маленькая комната. Анна осмотрела его со всех сторон, затем открыла несколько створок. Шкаф был поделен на две части, видимо, на мужскую и женскую. Внутри висело огромное количество разной одежды: платья, пальто, костюмы, юбки маленький дом моды, собранный за долгую семейную жизнь. Разглядывая старую одежду, девушка наткнулась на кусочек жира от любительской колбасы. В помещение тут же вбежал Васька и, уткнувшись мордочкой в ее руку, стал внимательно изучать остатки не доставшегося ему лакомства, но, убедившись, что мяса там уже не было, развернулся и гордо проследовал на свое любимое место в коридоре. Еще раз подробнейшим образом рассмотрев шкаф, Анна вернулась в гостиную. «Куда же он

все-таки исчез? Я же видела его! Видела этого человека своими глазами!» Она посмотрела на кота, который снова подошел к ней и начал обнюхивать подол ее пеньюара.

— И ведь ты тоже видел! — обратилась к нему девушка. — Да, ты не просто его видел, он что-то произнес, и ты так отреагировал на эту фразу, что мигом убежал прочь, как ошпаренный, помнишь?

Кот молча посмотрел на Анну и спокойно уселся рядом.

— Что же он тебе сказал? — девушка усердно крутила пальцами возле висков, стараясь вспомнить слова того человека. — Точно! — вдруг радостно выкрикнула она, усмехнувшись, и, переведя грозный взгляд на кота, серьезно выдала: — Сгинь, тварь пушистая, а то сейчас тапком получишь.

Васька пулей бросился от нее прочь и забился под диван, откуда стали поблескивать два больших зеленых кошачьих глаза.

— Значит, точно не померещилось, — прошептала Анна, оглядевшись по сторонам, и кровь снова прильнула к щекам.

Ее взгляд тут же зацепился за глиняный горшок, стоявший на серванте, и она решила проделать все те же самые шаги, что и мужчина, которого она застала в квартире сегодня утром. Она подошла к самодельной вазе, покрутила ее в руках, затем прошла к часам с кукушкой и открыла стеклянную дверцу. Внутри и впрямь лежал телефон — современный сотовый телефон, все еще подключенный к интернету.

«Неужели он залезает в эту квартиру ради этого предмета?». Она открыла историю и быстро просмотрела последние запросы в интернете, после чего ее сердце заколотилось еще сильнее: «скачки на ипподромах 1907 года», «списки участников на Коломяжском ипподроме 1907 года», «победители скачек 1907 года» Она с ужасом закрыла браузер и уставилась на фотографию, которая тотчас же появилась на заставке экрана. На этом старом черно-белом снимке красовалась еще совсем молоденькая Зинаида с приятным темноволосым молодым человеком с тонкими чертами лица. «Так это же он!» — столь эмоционально вырвалось из уст Анны, что она чуть не выронила телефон. Это был он! Тот самый мужчина, который блуждал сегодня утром по квартире, только на этой старой фотографии он выглядел гораздо моложе. Перед глазами Анны все поплыло, и она присела в старое кресло, но тут же подпрыгнула, почувствовав выпирающие пружины, что явно ее взбодрило. Убрав сотовый к себе в карман, она уверенно зашагала в сторону мрачной комнаты. Снова оказавшись там, девушка прямиком направилась к массивному шкафу. Распахнув створки, она залезла внутрь женской половины и закрыла их за собой, просидела там минут пять-десять, затем в очередной раз открыла их, вылезла, оглянулась по сторонам и залезла обратно. Все это время за ней наблюдал недоумевающий Васька, который мяукал при каждом новом появлении Анны из шкафа. А потом, так сильно намаявшись с этим весьма странным экспериментом, который она вздумала предпринять, притом полностью не осознавая до конца, что именно ожидала получить в итоге, она, в очередной раз оказавшись внутри, почувствовала, как ее глаза слипаются. Девушка положила голову на какую-то мягкую кофту и, закрыв за собой створку, заснула прямо в шкафу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.